

НИКЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

КАРТЕРЪ

АМЕРИКАНСКОЙ
ШЕРЛОКЪ ХОЛМСЪ

2) том. 6.

Побѣда женщины.

Р 108
342

«Сыщику Нику Картеру.

Милостивый Государь!

Когда это письмо будет в ваших руках, меня уже не будет в живых. Ликуйте! Со мною, говорю это с гордостью и по праву, исчезает величайшая, а вместе с тем и опаснейшая ваша соперница. Вы лишили меня всего, что мне было дорого и мило, что поддерживало во мне желание жить.

Еще вчера я надеялась, что мне и моим товарищам как-нибудь, в последнюю минуту, удастся выйти победителями из этой отчаянной борьбы. Сегодня мне стало ясно, что для нас надежды уже нет — Морис Каррутер, этот человек, который был для меня божеством, к которому я была привязана всеми силами моей души, хотя я отлично сознавала, что по общепринятым понятиям он так же порочен и зол, как я, — Морис Каррутер должен погибнуть; я измучила свой мозг, но не вижу больше средства к спасению. Я напрасно искала выхода и не нашла его.

Два раза Морису Каррутеру удавалось бежать; один раз он бежал непосредственно после того, как вы его арестовали, из полицейской кареты перед самым зданием полицейского управления; при этом, правда, ему пришлось пожертвовать своим сообщником и одним полисменом. А во второй раз он сумел сбежать уже из залы суда, переполненной народом, собравшимся послушать, как его осудят за его многочисленные и тяжкие преступления.

В этом-то втором случае, к несчастью, и понадобилось мое личное присутствие, и, вот с тех пор, как ни старалась я замести все следы и отделаться от ваших преследований, мне это так и не удалось. Вы пронюхали, что Морис Каррутер скрывается у меня в квартире; с опасностью для собственной жизни вы сумели проникнуть в нее. В конце концов Морис Каррутер снова оказался пойманным, и на этот раз осужденным на смертную казнь. Уже назначен срок, когда он должен будет умереть на электрическом стуле в тюрьме Зинг-Зинг.

Говорят, правда, что пока человек жив, жива и надежда... Признаюсь — я на это и рассчитывала. Я надеялась еще раз, в последний раз, и с успехом, померяться с вами силами ума и находчивостью. Я сделала все необходимые приготовления для того, чтобы еще раз, в последнюю минуту, вырвать у вас вашу жертву; а так как освободить арестанта из «Томбс» нет никакой возможности, то я устроила все, чтобы воспользоваться моментом, когда Каррутера переведут в государственную тюрьму Зинг-Зинг. И вот сегодня Каррутер будет переведен.

Но вы чрезвычайно затруднили мне мои приготовления тем, что заставили меня бежать из моего дома еще в ту самую ночь, когда вы арестовали в нем Мориса Каррутера; я не могла остаться, не рискуя разделить его участи вместе с другими моими верными помощниками. Только существование тайной двери из моей квартиры в соседний дом и спасло нас от ареста. Между тем все, что было накоплено у меня в квартире, всю добычу наших систематических ночных похищений — а она превышала миллионы долларов! — пришлось оставить там. Конечно, это еще не делало нас бесприютными. Но, во всяком случае, впопыхах не удалось захватить почти ничего — и вот нас постигла двойная утрата: вместе с Морисом Каррутером в ваши руки попало и все наше огромное богатство.

В этой жестокой потере единственным моим утешением является только то, что я

все-таки всегда водила вас за нос.

Вы и сегодня не знаете еще и не узнаете никогда, каким образом я успевала надувать вас и ваших помощников так, что в одно и то же время бывала и дома, и не дома. Уверяю вас, я испытывала особенное удовольствие в том, что надувала знаменитого сыщика Ника Картера, и даже теперь, в эти последние минуты, не без злорадного удовлетворения говорю вам, что беру эту тайну с собой в вечность, но это все! В остальном вы все-таки победитель, а я уйду из этой жизни, потому что она ничего больше уже не может мне дать. Я знаю, как вы условились с инспектором Мак-Глуски; я знаю, что вы лично переведете Мориса Каррутера в тюрьму Зинг-Зинг сегодня, в десять часов утра.

Вот это понимание и заставляет меня проститься с жизнью. Моя смерть, вернее, способ, который я выберу, будет для вас новой загадкой, решения которой вам, однако, не удастся найти никогда. Знаете ли вы небольшое здание, которое знаменитый архитектор Менасто выстроил в западной части центрального парка и которое служит ему конторой? В этой конторе вы найдете меня мертвой, если только потрудитесь пойти туда, чтобы лично убедиться в правдивости моих слов.

Не легко мне было бы умереть, если бы я не знала, что и знаменитого сыщика Ника Картера постигнет рок и что от его славы не останется ничего, кроме горсточка праха, потому что, клянусь вам, — помните слова умирающей — моя смерть повлечет за собой и вашу. Вы не убежите от меня, хотя бы и лежали уже в могиле. Я увлеку вас за собой в неизвестность загробной жизни... в вечное молчание.

Инес Наварро».

Ник Картер, уже собравшийся было уходить, читал это письмо, стоя у себя в столовой. Письмо сюда только что, вместе с остальной почтой, принесла его уже довольно пожилая экономка. По энергичному и умному лицу великого сыщика время от времени пробегала не то насмешливая, не то недоверчивая улыбка.

В эту минуту в столовую вошел Дик Картер, двоюродный брат знаменитого сыщика и его главный помощник. Он встал сегодня позже обычного: в этот день предстояло только одно дело — помочь Нику Картеру перевести великого преступника в Зинг-Зинг, а так как поезд уходил только в десять часов, то Дик решил воспользоваться этим редким случаем, чтобы в виде исключения выспаться как следует, вдоволь.

— На, прочти, — сказал сыщик и, не снимая шляпы, принялся за просмотр остальной корреспонденции. — Прочти это письмо и скажи мне свое мнение!

Дик принялся читать письмо, но уже после первых строк перевернул страницу и посмотрел на подпись, а потом на своего начальника.

— Ей-Богу! — воскликнул он. — Письмо от Инес Наварро, этого прекрасного демона... которая до сегодняшнего дня морочила нас... Вот сюрприз... уж не посылает ли она нам свой сегодняшний адрес? — продолжал он смеясь. — Чего-чего только не проделали мы, чтобы напасть на след этой загадочной девицы... но она точно исчезла с лица земли — а теперь вот это письмо, первая весточка от нашей прекрасной соперницы.

— И, по всей вероятности, последняя, если сообщение ее основано на истине, — сухо вставил сыщик. — Но читай, Дик; ты увидишь, что Инес Наварро действительно с величайшей точностью обозначает свой настоящий адрес, мало того, она даже, так сказать, приглашает нас к себе.

— Что это значит? — спросил, наконец, Дик, прочитав письмо и кладя его на стол. — Эта

Инес Наварро решила на самоубийство, не рискнув еще последней, отчаянной попыткой к освобождению человека, которого она, по ее собственному утверждению, любила и чтит, как бога? Не верится мне в это! — прибавил он решительным тоном и даже ударил кулаком по столу. — Голову даю на отсечение, что за всем этим скрывается какая-нибудь новая дьявольская проделка... Не такова эта Инес, чтобы в отчаянии сложить оружие и, как трусиха, отказаться от борьбы. Она, которая всеми фибрами привязана к жизни, не пойдет на добровольную смерть! Никогда!

Он расхохотался.

Ник Картер между тем закончил просмотр утренней почты; она, очевидно, не содержала ничего особенно интересного, потому что сыщик тут же собрал все письма в кучу и бросил их в первый попавшийся ящик.

— Мистер Картер, вас просят к телефону! — заявила вошедшая в эту минуту экономка.

— А кто говорит? — небрежно спросил сыщик.

— Инспектор Мак-Глуски, — сообщила старушка, уже много лет состоявшая в услужении у великого сыщика и потому вполне посвященная в круг его деловых знакомств. — Господин инспектор очень обрадовался, что вы еще дома, мистер Картер. Должно быть, случилось нечто чрезвычайно важное, потому что его голос мне показался необыкновенно взволнованным.

— Хорошо, я сейчас приду.

И сыщик тут же, в сопровождении Дика, направился в свой рабочий кабинет, расположенный на верхнем этаже.

— Алло! Ник Картер слушает. Это ты, Жорж? — начал разговор сыщик, подсаживаясь к письменному столу и в то же время делая Дику знак, чтобы он снял вторую трубку.

— Это я, инспектор Мак-Глуски, которого Бог в своем гневе сделал начальником нью-йоркской полиции! Час от часу не легче, опять чертовские дела творятся! — раздался голос инспектора.

— Ну-ну, Жорж, успокойся! Не так уж все страшно... Кстати, где ты сейчас?

— Разумеется, у себя в канцелярии. Слушай же, Ник! Во-первых, Морис Каррутер совершил покушение на самоубийство...

— Да что ты? — воскликнул сыщик в крайнем удивлении. — Каким образом?.. И удачно?

— Нет, неудачно, потому что подтяжки, на которых Каррутер хотел повеситься, не выдержали тяжести его тела — он ведь все еще весит значительно больше двухсот фунтов — и он сорвался. Его падение, конечно, наделало шума, прибежали сторожа и помешали всяким дальнейшим попыткам.

— Откровенно говоря, Жорж, если бы это сказал не ты, я ни за что бы не поверил. Чтобы Морис Каррутер решился на самоубийство... Этот человек ужасно привязан к жизни, ведь он, не задумываясь, жертвовал самыми верными своими друзьями, как только речь заходила о его собственном спасении.

— Это так, но в данном случае, быть может, все-таки возможно найти объяснение его отчаянию... Дело в том, что в кармане у него нашли записку, каким-то непонятным для меня способом доставленную ему, очевидно, вчера вечером. И... эта записка от Инес Наварро!

— О! Это начинает становиться интересным! — заметил Ник Картер. — От этой прелестной дамы и я вчера получил письмецо, в котором она торжественно заявляет мне о своем намерении лишить себя жизни.

— Вот как! — воскликнул инспектор Мак-Глуски. — Ну, значит, ты отчасти знаешь уже, в чем дело... В записке Морису Каррутеру она также извещает его о своем решении наложить на себя руки, и притом в действительно трогательных выражениях прощается со своим другом. В них чувствуется все ее безнадежное отчаяние. И вот, мне кажется, совершенно справедливо

будет предположить, что именно эти строки и заставили Мориса Каррутера решиться на самоубийство.

— Гм! Это, конечно, возможно, Жорж! — пробормотал същик. — Я лично считаю этого негодяя самым чудовищным эгоистом, неспособным ни на какую любовь. По-моему, эта Инес, при всей ее любви и преданности к нему, все же была для него только средством для достижения цели, орудием, которым пользуешься, пока оно еще нужно, но о котором не особенно горюешь, когда оно утрачено.

— Но теперь, при таком положении дел, — возразил на это инспектор, — помощь этого прекрасного демона была его последним козырем. Больше ему уже не на что рассчитывать... И вот тогда, вместе с Инес Наварро, рухнула его последняя надежда. А так как она действительно лишила себя жизни...

И Ник Картер, и Дик невольно вскрикнули от крайнего изумления.

— Инес Наварро умерла? Она действительно мертва? — воскликнул Ник Картер.

— Так же мертва, как самый настоящий покойник, — ответил инспектор. — Кстати, что это за мелодичный баритон прозвучал вместе с тобой? Я полагаю, это Дик, а?

— Совершенно верно! — ответил Ник. — Я велел ему тоже слушать, чтобы не пропустить ни одного из твоих высокомурых слов.

— Смейся-смейся! — засмеялся Мак-Глуски. — Но тем лучше: пускай же Дик немедленно отправится в контору известного архитектора Менасто...

— В западной части Центрального парка, между 76-й и 77-й улицами, — поспешно вставил Ник Картер, — знаю, знаю... Значит, Инес Наварро сдержала свое слово и действительно лишила себя жизни!

— Да, и в этот раз она, но-видимому, не шутила: я уже получил извещение из участка на 68-й улице. Мне сообщили, что в той конторе действительно нашли труп какой-то молодой прекрасной женщины.

Ник Картер тихо присвистнул сквозь зубы.

— Странно! — протянул он. Но действительно ли это труп Инес Наварро, это ведь пока еще неизвестно, а?

— Помилуй, что же ты, хочешь, чтобы мы уже успели это определить? — воскликнул инспектор. — Ведь мы видели ее только один раз, когда во время того процесса против Мориса Каррутера она выпросила себе разрешение сидеть с ним рядом на скамье подсудимых... Да и тогда она была под густой вуалью.

— Это верно, даже Дик не знает ее в лицо, — согласился същик. — Единственные люди, которые могут похвастаться этим, правда, довольно сомнительным преимуществом, это мой молодой помощник Патси и я. Но так как Патси сейчас уже находится на Центральной станции, где зондирует почву в преддверии сегодняшнего перевода арестанта, то придется уж мне самому отправиться в контору архитектора Менасто, чтобы посмотреть на этот интересный труп.

— Ах, Ник, ты очень, очень меня этим обяжешь! Значит, пока до свидания. Я останусь здесь, в канцелярии, чтобы ты сразу мог позвать меня к телефону.

Същик повесил трубку.

— Слушай, Дик! — обратился он к своему помощнику. — Ты пока оставайся здесь, чтобы быть в моем распоряжении в том случае, если вдруг понадобится... А я сам сейчас отправлюсь в контору.

Ранним утром того же дня полисмен Мак-Авой, причисленный к участку Центрального парка, совершая свой обычный обход, прошел и мимо конторы архитектора Менасто; последний хранил здесь очень важные чертежи и разного рода планы, а потому поручил ее специальной

охране полиции.

Мак-Авой заглянул в маленькое прикрытое решеткой окно конторы. Несмотря на сравнительную темноту раннего утра, он все-таки сумел разглядеть внутри небольшого кабинета какую-то женскую фигуру, полулежащую на полу около кресла, по-видимому сползшую с него. Вначале он не очень поверил своим глазам, так как знал, что контора имеет только одну дверь, запиравшуюся на особый секретный замок, ключ от которого всегда хранился у самого архитектора. Немногочисленные оконца конторы были защищены проволочными решетками, и проникнуть через них было также совершенно невысказано.

В эту минуту подоспел механик, в обязанности которого лежал надзор за паровой машиной, работавшей, в паре с паровым краном, на стройках, и Мак-Авой немедленно сообщил ему о своем открытии. Механик разыскал ночного дежурного стройки, а у того, к счастью, оказался тот самый ключ от конторы, так как архитектор Менасто еще накануне вечером уехал в Альбани, где ему надо было лично присутствовать на одном очень важном процессе, разбиравшемся Высшим судом в столице штата Нью-Йорк.

Когда открыли контору и все трое вошли в нее, то, к величайшему своему ужасу, нашли там труп необыкновенно красивой, изящно одетой женщины. Тело соскользнуло на пол с кресла; по всей вероятности, женщина умерла, сидя в нем перед большим письменным столом, на котором находился телефонный аппарат.

Кем была незнакомка, как она проникла в контору, каким образом нашла в ней смерть — всего этого не знали ни Мак-Авой, ни механик, ни дежурный, да и сыщикам, срочно вызванным из главного полицейского управления, не удалось выяснить ровным счетом ничего.

Единственное, что было ясно и обнаружившим труп, и подоспевшему тем временем Нику Картеру — это то, что покойница, очевидно, вошла в контору не одна, так как дверь была снова тщательно заперта. А при данной конструкции замка сделать это можно было только с наружной стороны двери.

Ник Картер только качал головой, осматривая замок перед тем, как войти в контору. Да! Сомнений не было, дверь была заперта только снаружи. Но кто же в таком случае сопровождал Инес Наварро и каким образом она вообще раздобыла ключ?

— Вы точно знаете, что к этой двери существует единственный ключ? — спросил он ночного сторожа.

— Наверняка! — ответил тот. — Мистер Менасто еще дополнительно внушал мне, чтобы я был осторожен с этим ключом, потому что у него только один экземпляр.

Ник Картер все больше недоумевал. Каким же образом Инес Наварро смогла в этом случае раздобыть другой ключ и каким образом ей вообще пришла в голову мысль избрать именно эту контору местом своей добровольной смерти? Каким образом, наконец, было совершено само самоубийство?

Крайне недовольный самим собой, Ник Картер открыл наконец дверь и вошел в контору. Разве время сейчас стоять здесь и раздумывать, когда еще даже неизвестно, действительно ли этот труп — труп Инес Наварро, прекрасной королевы преступников?

Но сыщик только взглянул на все еще прекрасные черты покойницы, теперь ярко освещенной лучами утреннего солнца — и все сомнения рассеялись сразу. Да — это необыкновенно прекрасная, даже в смерти чарующе прелестная красавица была Инес Наварро — одна из величайших и непонятнейших загадок, когда-либо представлявшейся ему в его многотрудной деятельности.

Каково же было удивление великого сыщика, когда вошедший в эту минуту ночной сторож, при виде трупа, вдруг всплеснул руками и в ужасе вскричал:

— Боже праведный! Да ведь это же миссис Менасто!

— Боже мой! — в свою очередь закричал тут и механик, подходя к покойнице и наклоняясь над ее лицом. — В самом деле! Какой ужас! Да, это действительно миссис Менасто!

Вне себя от волнения, он обратился к совершенно недоумевающему сыщику:

— Надо вам сказать, у нашего патрона самая красивая жена во всем Нью-Йорке... хотя, смотрите сами... она и в смерти прекрасна; мистер Менасто носит ее на руках, она жила, как царица... ее муж обожал ее... он лишится рассудка... он не перенесет этого, несчастный!

— Откуда же вы знаете, что покойница — миссис Менасто? — нетерпеливо спросил Ник механика.

Тот посмотрел на него с недоумением.

— Простите, мистер, я видел нашу леди чуть ли не каждый день; она даже разговаривала со мной, хотя только мельком и вскользь, — заметил он. — Как же мне не знать жену своего патрона?

— Еще бы, — вмешался тут и ночной сторож. — Я сам то видел ее не так часто... но такое ангельское лицо раз увидишь и больше уже не забудешь на всю жизнь!

— Надо немедленно вызвать сюда мистера Менасто! — после короткого раздумья решил Ник Картер. — Он, я думаю, должен знать свою жену, и даст нам все необходимые сведения. Вы, кажется, говорили давеча, что он уехал в Альбани? — обратился он к сторожу.

— Да, у него там процесс по поводу одного места, занятого им под постройку, — объяснил сторож. — Но он хотел вернуться сегодня вечером. Боже! Какое ужасное это будет свидание! — прибавил он, видимо, протрясенный до глубины души.

— Надо, по крайней мере, перенести покойницу на диван, — предложил механик и уже опустился на колени, чтобы приподнять голову мертвой женщины.

— Нет-нет, оставьте! — остановил его Ник Картер. — Все здесь — и сам труп — должно остаться нетронутым до прихода инспектора Мак-Глуски и врача, которых я немедленно извещу... я воспользуюсь только вот этим телефоном здесь, на столе.

Однако он так и не исполнил своего намерения, когда заметил, что рука покойницы держала обмотанный шелком провод, идущий от повешенной над столом трубки.

— Мистер Картер! — сказал в эту минуту механик. — Посмотрите на эти серьги, — он указал на чудесные бриллианты в ушах покойницы, — вы знаете, мистер Менасто страшно богатый человек, и жене своей покупал только самые дорогие вещи... Мне говорили, что он купил эти серьги за целых двадцать тысяч долларов. Она никогда не снимала их, и вот они на ней и сейчас, когда она уже труп!

— Гм! Это как будто указывает на то, что покойница действительно жена архитектора!

— В этом не может быть сомнения! А вот еще и обручальное кольцо на пальце!

Ник Картер не устоял против искушения и снял кольцо с руки покойницы, что удалось ему без особого труда. На внутренней стороне перстня было выгравировано: «Юлий Менасто» и дата дня свадьбы. Сыщик покачал головой и снова надел кольцо на палец.

— Послушайте, Муллен, — обратился он к одному из полисменов, — мне надо уйти на несколько минут. Вы отвечаете за то, чтобы здесь все осталось совершенно нетронутым и неизменным. Мне необходимо переговорить по телефону с инспектором Мак-Глуски.

Но прежде чем уйти, Ник Картер все-таки еще раз подошел к письменному столу, на котором стоял телефонный аппарат.

— Можно подумать, что покойница хотела куда-то позвонить, — заметил он задумчиво. — Впрочем, аппарат поврежден! — обратился он к механику.

— Как? Почему? — спросил тот с удивлением.

— А вот посмотрите сами: шелковые изоляторы повреждены, точно стерты нарочно. Вот здесь, около самого аппарата сквозь зеленый шелковый шнур проглядывает обнаженный провод,

по которому должен идти ток.

— В самом деле! Теперь и я вижу, — заметил механик, притрагиваясь долотом к поврежденному месту около самой трубки. — Странное дело!.. Я сам чуть ли не каждый день пользовался этим телефоном и готов поклясться, что еще вчера все здесь было в полном порядке! О Боже! Помогите! — застонал он.

Все присутствующие невольно громко вскрикнули, до такой степени неожиданным было представшее им зрелище.

Долото, небрежно поднесенное к обнаженному проводу, вдруг, прямо в руке механика, вызвало из проволоки целый сноп огненных лучей. Как роскошный фейерверк, посыпались электрические искры, все тело механика скорчилось, точно его сминали кулаки невидимого великана, мускулы вытягивались ужасной судорогой, а с посиневших губ несчастного срывался душераздирающий крик.

С секунду Ник Картер стоял как оглушенный громом, но потом быстро сообразил в чем дело. Телефонный аппарат, очевидно, оказался случайно или намеренно соединенным с так называемым током высокого напряжения, и прикосновение механика к испорченному проводу нанесло несчастному ужасный удар, очевидно, настолько сильный, что при дальнейшем воздействии он должен был оказаться безусловно смертельным.

Но, окинув быстрым взглядом всю комнату, Ник уже успел заметить лежащую в углу толстую резиновую перчатку, которую надевают монтеры во время работы с током высокого напряжения, поднять ее, надеть и оторвать несчастного механика от провода было для великого сыщика делом одного мгновения.

Механик тут же упал как подкошенный, почти без чувств.

Прошло несколько минут, прежде чем он опять смог говорить.

— Боже мой! — едва прошептал он побелевшими губами. — Вот что значит — на волосок от смерти. Но как же это было возможно? Наша динамомашинка в подвале находится на расстоянии тридцати футов... каким же образом могли соединиться провода... а они соединены, несомненно, иначе каким образом я мог бы получить такой ужасный удар?

Ник Картер оставил несчастного на попечение остальных, а сам снова подошел к телефонному аппарату и стал его внимательно рассматривать.

Оба провода, как всегда, были проведены к стене. Но, как, к величайшему своему изумлению, заметил сыщик, к ним подсоединялась еще третья проволока, не изолированная, выходящая, очевидно, из подвала.

— Что это значит? — обратился сыщик к механику, который между тем успел уже оправиться настолько, что мог давать связные ответы.

— Матерь Божья! Какая подлость! Не трогайте этот провод, мистер Картер! — закричал он в испуге.

— Еще бы! Стану я ее трогать! — спокойно заметил сыщик. — Она заряжена током высокого напряжения, да? — спросил он механика.

— Не понимаю! — простонал тот, пристально вглядываясь в перчатку на правой руке сыщика. — Позвольте, мистер Картер... Но ведь это моя перчатка! — вдруг воскликнул он, крайне удивленный, продолжая внимательно рассматривать резиновую перчатку. — Каким же образом она попала сюда, в контору?.. Ведь она всегда лежала у меня в подвале!

— Да, но я полагаю, что эту проволоку здесь, на стене, можно было провести только с помощью этой перчатки?

— Еще бы, — заметил механик. — Наша динамомашинка внизу, в подвале, дает ток очень высокого напряжения... я и то удивляюсь, как это я не остался мертвым на месте.

— Да, еще секунда, и вы, вероятно, были бы трупом, — сказал ему Ник Картер.

— Но ведь это гнусность! — горячился механик. — Можно подумать, что орудовавший здесь преследовал специальную цель убить кого-то, кто должен был звонить по телефону из конторы.

— Я и сам так полагаю, — сухо заметил сыщик, и про себя прибавил:

«Теперь я знаю, что покойница там, наверху, действительно Инес Наварро, теперь я понимаю значение ее роковой клятвы! Гениально задуман этот план самоубийства и вместе с тем покушения. Она ни минуты не сомневалась, что я последую ее приглашению и явлюсь в контору... далее, она знала мои привычки и не без основания предполагала, что первым моим делом будет воспользоваться телефоном, и в ту же минуту я должен был упасть мертвым. Таким образом, она надеялась даже в смерти остаться моей победительницей, и с этой надеждой прекрасный демон, вероятно, умерла спокойно... но как умерла она? Каким образом положила конец своей жизни?... И кто разрешит мне все те загадки, которые прямо или косвенно связаны с ее смертью?»

Ник Картер опять поднялся наверх, пользование телефоном теперь уже не представляло никакой опасности.

— Пожалуйста, барышня, соедините меня с инспектором Мак-Глуски в главном полицейском управлении.

— Алло! Здесь Ник Картер! Кто говорит?

— Инспектор Мак-Глуски! — раздалось в ответ. — Слушай, братец мой Ник, хорош же ты. Знаешь ли ты, который теперь час?

— Понятия не имею... а почему ты спрашиваешь, Жорж?

— Почему я спрашиваю! — даже зашипел от негодования инспектор. — А ты что же, дорогой мой, все перезабыл? Теперь половина десятого... через пять минут мы должны отправиться в путь с Морисом Каррутером, если не хотим навлечь на себя обвинение в неисполнении судебного приговора. Вот я и хотел бы знать, как ты собираешься быть здесь через пять минут... А где ты, собственно, сейчас?

— В конторе архитектора и подрядчика Менасто. А ты, Жорж, должен немедленно же явиться сюда!

— Скажите пожалуйста! — насмешливо отозвался инспектор. — А что в это время будет с Морисом Каррутером?

— Убирайся с ним к черту! — сердито буркнул сыщик.

— Благодарю тебя за твое христианское пожелание, однако это путешествие к дьяволу король преступников совершит без меня. Что касается меня, то мне волей-неволей приходится конвоировать преступника вместо тебя, если только ты не согласишься сейчас же, сломя голову, отправиться на центральную станцию и там принять арестанта под свое покровительство.

— Нет, это совершенно немыслимо! — поспешил ответить сыщик. — Я непременно должен остаться здесь... правда, и ты здесь необходим... Как это глупо, право, что приходится возиться с этим Морисом Каррутером!

— Это первый раз за все то время, пока мы работаем вместе, чтобы ты так быстро и неожиданно менял свое мнение, — с удивлением заметил инспектор. — Что же там такое случилось? Как эта история с Инес Наварро? Оказалась правдой? Вероятно, только ловко придуманная новая проделка, а?

— Напротив! — серьезно возразил Ник Картер. — Перед нами неразгаданная, по-видимому, загадка новой драмы... здесь, в конторе, я не только нашел Инес Наварро действительно мертвой, но успел еще узнать, что в своей бурной жизни она сумела сыграть еще одну роль... она, как выяснилось, была, кроме всего остального, еще и женой известного архитектора Менасто!

— Не может быть! — воскликнул Мак-Глуски. — Как же ты успел узнать все это? А Инес Наварро действительно умерла?

— Да, она даже предприняла чрезвычайно ловкие меры к тому, чтобы, согласно своему обещанию, отправить на тот свет и меня... но об этом я расскажу тебе позже, сегодня вечером, когда ты вернешься из Зинг-Зинга.

— Значит, ты бесповоротно решил не ехать сопровождать Мориса Каррутера! Ты решаешь оставить этого великого короля преступников на попечение одного из нас, обыкновенных полицейских чиновников?

— Дорогой Жорж, твои насмешки не трогают меня, тем более что вы действительно дважды упустили этого мошенника из рук, причем я каждый раз имел сомнительное удовольствие ловить его снова.

Инспектор чуть-чуть поперхнулся.

— Да, Ник, но эти мои болваны всякий раз так неумело брались за дело... На этот же раз я сам перевезу арестанта, и, даже если вмешается сам черт, будь спокоен, я сумею доставить его, куда следует.

— Да, я сам думаю, что звезда короля преступников уже начинает окончательно закатываться, — заметил Ник Картер. — Работа тебе предстоит не трудная... Со смертью этой Инес исчезла последняя возможность насильственного освобождения, я сказал бы даже, что теперь ты можешь спокойно поручить арестанта кому-либо из своих сержантов, потому что теперь, когда Инес Наварро уже нет в живых, Каррутер уже не опасен.

— Будем надеяться, Ник, — пробормотал инспектор. — Во всяком случае, я рисковать не люблю и поэтому лично перевезу арестанта. После своего возвращения я сейчас же отправлюсь к тебе, Ник... До свидания, до вечера. Сейчас приведут Каррутера, поэтому прощай!

— Прощай! — ответил сыщик и со вздохом облегчения повесил трубку. Для него наступил один из тех чрезвычайно редких в его жизни моментов, когда он сам не знал как следует, что именно ему делать и что предпринять. Если бы еще сегодня утром кто-нибудь сказал ему, что непредвиденные обстоятельства заставят его отказаться от своего намерения лично проводить Мориса Каррутера до электрического стула в тюрьму Зинг-Зинг, то он, вероятно, назвал бы его сумасшедшим, а теперь неожиданное осуществилось, и интерес к новому загадочному делу совершенно затмил для него так сильно занимавшее его дело Мориса Каррутера.

Правда, судьба короля преступников и без того была уже окончательно решена: теперь, когда его верная подруга добровольно простилась с жизнью, не было уже человека, который рискнул бы собственной жизнью для того, чтобы освободить короля преступников. Мориса Каррутера можно было считать уже казненным; а предпринятая им ночью попытка самоубийства только ясно доказывала, что и сам он уже перестал надеяться на какую бы то ни было попытку освобождения. Ведь то же сознание полной безнадежности его освобождения побудило и королеву преступников пойти на добровольную смерть.

Но почему же смерть? Вот новый вопрос, на который Ник Картер, до сих пор, по крайней мере, тоже не находил ответа. Если его предположение было правильно, если Инес Наварро и обожаемая супруга миллионера Менасто были одно и то же лицо... Почему же она просто не предоставила Каррутера его собственной судьбе? Ведь она имела абсолютную возможность наслаждаться жизнью?

Приход доктора и его ассистента прервал размышления сыщика, который, сам того не замечая, не спуская глаз, смотрел на неподвижное лицо прекрасной покойницы.

— Доктор, — сказал Ник Картер, поздоровавшись с врачом, — скажите мне, пожалуйста, прежде всего, от какой причины умерла эта женщина... Я получил от нее письмо, в котором она извещала меня о своем намерении лишиться себя жизни... и мне хочется знать, действительно ли

она сама наложила на себя руки или же тут совершено какое-либо преступление?

— А вот сейчас увидим! — ответил доктор. — Быть может, придется прибегнуть к вскрытию.

В конторе между тем собралась уже целая толпа, сбежались рабочие со строек; но Ник Картер энергично выпроводил их всех за двери, в то время как доктор с помощью ассистента уложил покойницу на диван, раскрыл ей платье и принялся за обычный в таких случаях тщательный осмотр трупа. Сыщик стоял тут же и тихим голосом пересказывал наиболее существенное из того, что он уже успел узнать.

— Леди убита электричеством, — заявил вдруг доктор. — И притом это случилось тогда, когда она собиралась разговаривать по телефону. Посмотрите на ладонь правой руки... она сильно обожжена. При прикосновении к трубке рука, очевидно, коснулась и поврежденного провода. При обычном в телефонах токе слабого напряжения это не имело бы никаких неприятных последствий... но ввиду того что чья-то преступная рука провела в телефонные провода ток высокого напряжения из помещавшейся в подвале динамомашин, она получила такой ужасный удар, что смерть, по всей вероятности, наступила моментально.

— Позвольте, доктор, — заметил сыщик, — покойница соскользнула с того кресла; она, правда, держала в руке оба изолированных провода, но трубка висела, как всегда, на обычном месте, на крючке, вот как сейчас.

— Совершенно верно, мистер Картер...

— Позвольте, — прервал тот врача, — значит, если эта женщина сама лишила себя жизни, то она, очевидно, ни под каким предлогом не могла сама повесить трубку обратно.

— Конечно, не могла, вы совершенно правы! — воскликнул врач, который, по-видимому, только теперь начинал понимать огромное значение этого на первый взгляд ничтожного обстоятельства, так ловко подмеченного сыщиком. — Если трубка не была повешена кем-нибудь другим...

— Это совершенно немыслимо. Когда я сюда явился, аппарат был, если можно так выразиться, все еще заряжен током высокого напряжения, — сказал Ник Картер, — значит, если бы кто-нибудь дотронулся до трубки, то он, конечно, умер бы на месте.

— Совершенно правильно! — согласился врач. — Но ввиду того что трубка была повешена на крючок уже после того как наступила смерть этой женщины, то...

— То отсюда следует, — опять прервал его сыщик, — что трубка была повешена каким-нибудь третьим лицом, которое в то время, когда погибла эта женщина, находилось здесь, в конторе. Надев резиновую перчатку, которую я давеча нашел в этом помещении и которая принадлежит здешнему механику, неизвестно каким образом очутившуюся здесь, этот человек опять повесил заряженную трубку на место, вышел из конторы и снова тщательно запер за собой дверь... если все это правильно, а я не сомневаюсь в том, что это было так, то эта женщина здесь, очевидно, была убита... и таким образом, является жертвой преступления, а не самоубийцей. А с другой стороны, как я вам уже говорил, эта женщина писала мне, что хочет лишиться себя жизни. Но кто в таком случае повесил трубку?

— Она, очевидно, имела сообщника, — заметил врач.

— Сообщника? — повторил Ник Картер и недоверчиво улыбнулся. — Дорогой доктор, вы не знаете этого тигра в образе прекрасной женщины. Да и кто же мог быть ее сообщником, то есть человеком, который помог ей совершить самоубийство, чтобы затем выполнить оставленные ею распоряжения? Инес Наварро не станет убивать себя на глазах другого человека, она не доверит свою месть чужим рукам, она и себе-то, пожалуй, не совсем доверяет.

В голове сыщика зародилось неожиданное подозрение. Он подошел к покойной и долго и пристально вглядывался в черты ее лица.

— Ей-Богу, — проговорил он наконец, — если бы это не казалось таким невероятным, то я готов был бы подумать, что у этой Инес Наварро был поразительно похожий на нее двойник и что эта-то несчастная и лежит сейчас перед нами мертвая.

Лицо сыщика становилось все задумчивее; он достал полученное сегодня утром письмо и снова внимательно прочитал его от начала до конца.

— Гм! Гм! Странно! — пробормотал он. — Ведь вот что она пишет: «вы и сегодня не знаете еще, и не узнаете никогда, каким образом я успевала надувать вас и ваших помощников так, что в одно и то же время бывала дома и не дома». Я начинаю чувствовать, что за этой злорадной насмешкой и кроется вся разгадка тайны, — задумчиво проговорил он, обращаясь к врачу. — Что это значит — быть дома и не дома... то происшествие, на которое она намекает, легко передать в нескольких словах, — принялся он рассказывать, — мой помощник Патси, необыкновенно ловкий и находчивый молодой человек, получил от меня поручение следить за этой Инес; когда она вышла из дома, он последовал за ней и проходил за ней чуть ли не по всему городу, а между тем мой второй помощник, Тен Итси, видел ее у окна ее дома... тогда мы подумали, что все это было ловкое переодевание какой-нибудь сообщницы, хотя, несмотря на тщательное наблюдение за ее домом, нам не удалось установить в нем присутствие какой-либо другой женщины... а что подумать сегодня, это я и сам не знаю... Эта мертвая женщина здесь, во всяком случае, Инес Наварро, сомнения нет! Я видел ее слишком часто и слишком близко, чтобы не узнать ее с первого взгляда.

— Позвольте, мистер Картер! — вмешался тут механик, который до сих пор молча прислушивался к разговору сыщика и врача. — Вы говорите о той опасной женщине, которая «работала» вместе с Морисом Каррутером?

— Совершенно верно, — сказал Ник Картер, не совсем понимая, куда клонилась речь механика.

— Ну вот, в газетах тогда появились и портреты причастных к процессу лиц, и вот, я помню, раз как-то миссис Менасто пришла к мужу на стройку; было как раз обеденное время... я читал газету и смотрел иллюстрации... и вот увидел портрет подруги Мориса Каррутера... ей-Богу, я подумал было, что это портрет миссис Менасто, до того он был похож на нее. Я даже подошел к ней и показал ей картинку; она только засмеялась, и муж ее засмеялся, и оба они сказали, что надо будет непременно подать жалобу на газету, потому что она, по нечаянности, очевидно, поместила портрет нашей барыни... и вот, пока мы еще стояли и говорили, подъезжает кеб, и кто сидит в нем? Миссис Менасто, она, да и только, ну точь в точь она, скажу я вам... а тут миссис Менасто, то есть настоящая миссис Менасто, стоит рядом со своим мужем так близко от меня, что мне стоило только протянуть руку, чтобы коснуться ее.

— А что сказала миссис Менасто, когда она увидела своего двойника, а?

Механик пожал плечами.

— Знаете, мистер Картер, это был единственный раз, когда я заметил на ее лице прямо-таки отталкивающее мрачное выражение... а когда я, в весьма понятном волнении, указал на коляску и загорячился по поводу сидящей в ней дамы, она ничего не ответила, повернулась и ушла.

— А мистер Менасто что? — спросил сыщик. — Как он отнесся к этому делу?

— Он совсем не обратил внимания на экипаж и не заметил этой дамы.

— А вы помните еще, в каком направлении уехала тогда коляска? — осведомился сыщик.

— Как же, — ответил механик. — Мы стояли как раз на углу 77-й улицы, в нее и завернул экипаж, остановившись перед одним домом недалеко от авеню Колумба; в нем, вероятно, и скрылась прекрасная незнакомка, столь похожая на несчастную миссис Менасто... но наверное я этого сказать не могу, потому что должен был опять вернуться на работу.

— Именно, это был тот дом, в котором жила Инес Наварро... нет никакого сомнения, что та, которую вы видели, была прекрасная королева преступниц, — проговорил Ник Картер. — Если эта Инес Наварро еще жива... если она гениальнейшим образом провела нас всех... если она воспользовалась случайным и поразительным сходством с другой женщиной, чтобы морочить нас, как дураков... и в то же время удержать меня от моего намерения перевезти ее друга в Зинг-Зинг... — черт возьми! — вскричал он невольно и топнул ногой. — А! Какая дьявольская хитрость! Какой стыд и срам, если королева преступников опять водила нас за нос... и теперь, быть может, злорадствуя, поздравляет себя с блестящей удачей своего чертовского замысла.

— Позвольте, милейший мистер Картер, я ровным счетом ничего не понимаю! — заметил врач, качая головой.

— Совершенно так же, как и я! — коротко отрезал великий сыщик. — Довольно праздной болтовни, необходимо действовать... и при этом как можно скорее!

Он обратился к вошедшему между тем бухгалтеру, который обыкновенно работал в конторе.

— Где находится квартира архитектора?

— Недалеко отсюда, на следующей улице у Центрального парка, первый дом от угла.

— А патрон ваш в данную минуту находится в Альбани?

— Насколько я знаю, да. Но он хотел вернуться сегодня вечером.

— Хорошо, — решил Ник Картер. — Во всяком случае, в доме будет какая-нибудь прислуга, и, может быть, удастся узнать что-нибудь более или менее существенное. Не оставил ли мистер Менасто своего адреса в Альбани? — спросил он бухгалтера.

— Нет, но он говорил мне, что позвонит в контору около одиннадцати часов утра.

— Значит, приблизительно через четверть часа, — сказал Ник, посмотрев на часы. — Как только он позвонит, известите меня непременно, и ни под каким видом не говорите ему о том, что здесь произошло. Я сам сообщу ему все это, поняли?

Бухгалтер обещал в точности исполнить распоряжение сыщика, а Ник Картер отправился в дом архитектора один, так как врач и его ассистент пожелали остаться у труппа.

При поднявшемся на стройках, а тем более в конторе, переполохе, никто и не думал еще передать ужасное сообщение в квартиру архитектора Менасто; таким образом, Ник Картер был первый, который явился с ошеломляющей новостью.

На его звонок ему открыла горничная, которая посмотрела на него вопросительно и сказала:

— Мистер Менасто уехал! — видимо предполагая, что пришелец хочет видеть хозяина дома.

— Речь идет о миссис Менасто! — тихим голосом сказал великий сыщик.

— Барыня только что встала, — возразила горничная, — позвольте вашу карточку, я спрошу, сможет ли она вас принять.

Ника Картера не легко было ошеломить; однако в первый раз в жизни это заявление горничной совершенно лишило его самообладания.

— Как! — воскликнул он. — Миссис Менасто дома? Она... она встала?

Его совершенно недоумевающее лицо, видимо, начинало забавлять горничную.

— Что же тут необыкновенного? — заметила она довольно дерзко. — Мы все встаем каждое утро, отчего же миссис Менасто должна представлять какое-то исключение в этом отношении?

— Совершенно правильно, — сухо проговорил сыщик, который в данную минуту не сумел сказать ничего лучшего, — значит, моя милая, если вы хотите доложить обо мне, то вот моя

карточка.

При этом он уже поднимался за девушкой наверх, на первый этаж, и, когда она вошла в комнату, чтобы доложить барыне о неожиданном посетителе, он устроил так, чтобы дверь за ней осталась открытой.

К крайнему своему изумлению, Ник Картер сквозь полуоткрытую дверь увидел женскую фигуру, обращенную к нему спиной. Дама сидела за утренним завтраком и спокойно приняла от девушки поданную ей карточку. Она сказала что-то, и сыщика вдруг так и передернуло: этот голос он узнал бы среди тысячи других голосов. Не будучи в силах оставаться долее за дверью, он, не дожидаясь приглашения хозяйки, вошел в комнату.

— Кто этот мистер Картер? — только что спросила хозяйка. — Разве ты не сказала ему, что барин уехал? Очевидно, он хочет видеть его, а не меня.

— Нисколько, — вмешался в этот момент Ник Картер, собрав всю силу воли. — Я вижу, что пришел именно туда, куда следует... И передо мной сидит Инес Наварро, как Бог свят!

Дама с выражением надменного удивления повернулась к вошедшему и смерила его недовольным вопросительным взглядом из тех, которыми встречают навязчивых незнакомцев. Она повернулась к сыщику лицом. Перед ним была покойница из конторы! Она, казалось, воскресла и прибежала сюда, чтобы встретить его здесь... Как иначе можно было объяснить это непонятное явление? Ведь это было уже не сходство в обычном смысле этого слова, это было точь-в-точь то самое лицо.

Пользуясь этим чудесным, невероятным сходством с покойницей, она стала сама играть ее роль! Но как именно сошлась она с супругой архитектора, какие тайные связи существовали между миллионершей и отъявленной преступницей — это было тайной, принадлежащей уже только ей одной, с тех самых пор, как навсегда закрылись уста ее несчастной жертвы. Однако уже само по себе поразительное сходство между двумя женщинами заставляло предполагать, что их должны были связывать какие-то близкие родственные узы: такое сходство не могло быть просто случайной игрой природы... Оно могло объясняться единственно только тем, что они были сестрами-близнецами.

Эта мысль вдруг показалась сыщику каким-то откровением! Да-да, так оно и было... Эта Инес и покойная миссис Менасто, очевидно, действительно были сестрами-близнецами!

По знаку молодой хозяйки, одетой в воздушный утренний капот, горничная вышла и заперла за собой дверь. Прекрасная преступница и великий сыщик остались вдвоем с глазу на глаз.

— Примите комплимент, Инес Наварро, — вы мастер своего дела... Обман задуман с такой гениальной находчивостью и проведен с такой безжалостной жестокостью, что вызывает мое самое искреннее удивление, и я даже чувствую как будто легкую грусть при мысли, что это был ваш последний подвиг.

Молодая женщина отшатнулась с выражением дикого испуга. Она попятилась назад, как перед сумасшедшим, и встала так, что стол оказался между нею и посетителем.

— Боже мой! Этот человек, по всей вероятности, не в своем уме! — проговорила она.

— Оставим, я думаю, всякие ненужные комедии! — сухо заметил на это сыщик, который стоял, не двигаясь с места, и не спускал глаз с прекрасной молодой женщины. — Не старайтесь, Инес, вы меня не обманете... Вы знаете меня так же хорошо, как я знаю вас. Вы знаете, что несчастная женщина, роль которой вы здесь разыгрываете, лежит бездыханная в конторе, став жертвою вашей преступной руки... Только случай спас меня от приготовленной и для меня смерти.

Молодая женщина в ужасе отступила до дверей смежной комнаты, стала изо всей силы нажимать на расположенную на стене кнопку электрического звонка, после чего по всему дому

раздались резкие, пронзительные звонки. Через секунду, еще раньше даже, чем Ник Картер успел что-либо сказать, двери открылись, и в комнату с перепуганными лицами вбежали горничная и кухарка.

— Слава Богу! — проговорила прекрасная женщина. — Пошлите за полицией... Этот несчастный, очевидно, болен... Я не знаю, чего он от меня хочет. Он говорит, что я лежу убитая в конторе моего мужа и что я хотела убить и его... Я не понимаю его странных и запутанных речей!

Ник Картер поднял руку.

— Не кричите! Не волнуйтесь! — сказал он внушительным голосом. — За полицией посылать незачем: я сам представляю ее. Оставьте эту ненужную игру, Инес Наварро. Повторяю, настоящая госпожа этого дома лежит убитая в конторе архитектора Менасто.

— Но ведь это сумасшествие! — закричала молодая женщина, ломая руки с выражением непритворного ужаса. — Боже мой! Хоть бы муж был здесь!

— Я сама до поздней ночи прикладывала барыне холодные компрессы! — вмешалась тут хорошенькая горничная, которая, по-видимому, смотрела на все это дело как на весьма забавную шутку. — А теперь вдруг говорят, что нашу барыню убили. Но я думаю, что она стоит перед нами, совершенно цела и невредима.

— Вы находитесь в каком-то ужасном заблуждении, милостивый государь! — воскликнула хозяйка дома, а затем обратилась к кухарке: — Ведь ты была здесь, когда вчера уходил барин... Какие были последние его слова и что он дал мне?

— Чудесное бриллиантовое кольцо... Вон оно, у вас на руке, барыня. Он просил вас беречь себя и совершенно поправиться к тому времени, когда он вернется.

Молодая хозяйка подняла свою белоснежную руку, и сыщик увидел на ней бриллиантовое кольцо, по-видимому, необыкновенно высокой стоимости.

— Не понимаю вас, милостивый государь! — снова заволновалась молодая женщина. — Как вы посмели проникнуть сюда и приставать ко мне?

Кто-то позвонил у парадной двери. Она вздохнула с облегчением.

— Слава Богу! — сказала она. — Кажется, кто-то идет. Кто бы это ни был, Бетси, проси его сюда.

Горничная поспешила исполнить приказание барыни. Через минуту она вернулась с бухгалтером, которого Ник Картер оставил в конторе архитектора.

При виде молодой хозяйки бухгалтер попятился, точно увидел привидение, и побледнел.

— Боже мой! — это было все, что он смог проговорить, пораженный ужасом и страхом.

— Да что это с вами, Фергюсон? — раздраженным тоном спросила его хозяйка. — Что вы уставились на меня, точно никогда меня не видали? Что это сегодня с ума все сошли, что ли?

— Ах, миссис Менасто! — с трудом выговорил совершенно оторопевший бухгалтер, стараясь собраться с мыслями, чтобы дать хоть мало-мальски связный ответ. — Когда... Когда... сегодня утром я пришел в контору... а вы лежите там... мертвая...

Прекрасная хозяйка в нервном нетерпении всплеснула руками, между тем как горничная и кухарка тихо захихикали, находя все это необыкновенное происшествие в высшей степени забавным.

— Боже мой! — простонала хозяйка. — Сегодня действительно все с ума сошли... Сначала вот этот человек, — она с презрением указала на не помнящего себя от изумления Ника Картера, — говорит какую-то непонятную чепуху о каком-то моем двойнике... Почему-то называет меня Инес... Говорит, что я не только сама себя лишила жизни, но хотела убить и его... А теперь и вы еще утверждаете, что видели меня мертвой в конторе! Нет, не могу! Мои нервы больше не в состоянии выносить все это!.. Боже мой, почему мужа нет здесь! — зарыдала

она вдруг и упала на первый попавшийся стул.

Обе служанки начали ругаться и бросились к своей госпоже, стараясь ее успокоить. Мужчины вопросительно переглядывались. Бухгалтер все еще не мог прийти в себя от изумления, а Ник Картер стоял в такой нерешительности, полный таких сомнений, каких ему никогда еще не приходилось испытывать.

— Мистер Фергюсон! — обратился он, наконец, к бухгалтеру. — По какой причине вы сейчас пришли сюда?

— Я пришел за вами, мистер Картер... Мой патрон у телефона... Он говорит из Альбани; кроме того, пришел еще какой-то господин, который спрашивает вас... Он немного похож на вас, он ждет внизу, у подъезда.

Ник Картер вздохнул с облегчением. Он понял, что в данный момент, не имея на руках никаких осязаемых улик, немисливо было предпринимать что-нибудь против этой женщины, которая, по его мнению, являлась Инес Наварро, и уж во всяком случае, никак нельзя было даже думать о том, чтобы ее арестовать. С другой стороны, он твердо решил уже не выпускать ее из виду; за ней надо было следить шаг за шагом, потому что — если это была действительно королева преступников — она, разумеется, ни на минуту не задумалась бы, доводить ли до конца свою рискованную игру. Из слов бухгалтера он понял, что внизу его поджидает Дик. Слава Богу! Он явился как раз вовремя.

Сыщик отвесил короткий поклон хозяйке, которая ответила ему только надменным кивком головы, и вышел из комнаты.

Внизу, у подъезда, стоял Дик.

— Ну, как дела у Каррутера? — спросил он его.

— Инспектор приковал его к себе; через час они будут уже в Зинг-Зинг... Негодяй показался мне совершенно разбитым... Он, по-видимому, покорился своей судьбе. Я не ожидал, что смерть Инес произведет на него такое удручающее впечатление.

Ник Картер пропустил бухгалтера немного вперед, а потом тихо шепнул своему помощнику:

— Дело в том, Дик... Я не верю в смерть этой Инес. Я полагаю, напротив, что она вновь выкинула дьявольскую штуку и убила жену архитектора Менасто.

Он коротко, в нескольких словах передал Дику суть дела, как он ее понимал, и прибавил:

— Да, во всяком случае, при данном положении дел, эта Инес пока недосыгаема — надеюсь, ненадолго. Но мне чрезвычайно важно переговорить с самим архитектором. Поэтому оставайся здесь и сторожи дом. Если Инес покинет его, ты, конечно, последуешь за ней, хотя бы она прошла через огонь и воду... Впрочем, я и сам думаю скоро вернуться.

— Ладно! — ответил Дик. — Не обижайся, пожалуйста, Ник, но я не разделяю твоих опасений. Я внимательно осмотрел труп...

— Где Патси? — прервал его сыщик.

— Он и Тен Итси поехали вместе с конвоем в Зинг-Зинг.

Ник Картер вздохнул с облегчением.

— Это хорошо! — сказал он. — По крайней мере, у инспектора Мак-Глуски будут под рукой надежные люди — потому что на этих сыщиков из центрального отделения совершенно невозможно положиться... А меня не оставляет мрачное предчувствие, что затеяно какое-то дьявольское дело и что по дороге будет совершена попытка освободить короля преступников... Инес хотела только устранить меня, и ей это удалось. Я убежден, что на этот раз мы все попались на удочку лукавой женщины. А теперь прощай!

И с этими словами сыщик торопливо направился к конторе архитектора Менасто.

Как всегда бывает в таких случаях, перед конторой собралась густая толпа зевак, которых с

трудом сдерживали явившиеся на место преступления полисмены.

В конторе врач и его ассистент сейчас же подошли к сыщику. Оба они казались чрезвычайно взволнованными.

— Мистер Картер, — заговорил врач, — в ваше отсутствие мы здесь сделали одно чрезвычайно странное открытие.

— Сейчас, доктор, сейчас! — торопливо ответил Ник Картер. — Меня ждет у телефона мистер Менасто!

— Выслушайте сначала, что я вам скажу! — настойчиво продолжал врач. — Мы приступили к поверхностному осмотру трупа, насколько это было возможно в таком помещении, как эта контора... И это исследование побудило меня немедленно переправить труп в покойницкую госпиталя Белльвью.

— Ах! Так трупа здесь уже нет? — поспешно сказал сыщик, оглядывая контору и видя, что труп действительно куда-то унесен.

— Я сейчас же приступлю к вскрытию и извещу вас немедленно... Потому что... Ну, словом, мистер Картер... Этот труп «приготовлен»!

— То есть как это? — с удивлением спросил сыщик, не понимая, что врач хочет этим сказать.

— Я сам пока не знаю, как именно. Во всяком случае, я успел установить, что смерть наступила вовсе не сегодня ночью, а намного раньше... Быть может, уже неделю тому назад.

— Что за скверные шутки, доктор! — смеясь воскликнул Ник Картер. — Неделю тому назад!.. Какие глупости!

— Во всяком случае, нет никакого сомнения, что покойная была принесена сюда, в контору, уже в виде трупа, — сухо ответил врач. — Потому что труп забальзамирован, а это, конечно, невозможно сделать здесь.

Ник Картер всплеснул руками и секунду стоял, не находя слов от удивления.

— Забальзамирован! — воскликнул он наконец. — Черт возьми, дело становится все непонятнее... В таком случае, конечно, возможно, что с момента смерти прошло уже хотя бы несколько дней.

— По характеру краев раны, смерть вызвана ударом ножа в левый бок, ниже левой груди. Труп лежит, по крайней мере уже неделю, — объяснял врач. — Впрочем, я тороплюсь. — Он подошел к сыщику. — Лучше всего сейчас же идите со мной, — тихо шепнул он ему так, чтобы другие не могли его услышать. — Труп подготовлен, кроме этого, еще и другим способом!

— Как именно? — так же тихо спросил его сыщик.

— Видите ли, мне показалось, что лицо покрыто воском... Пока не могу сказать ничего определенного, потому что здесь я не мог провести никакого стоящего исследования... Но мне кажется, что лицу трупа разными искусственными средствами постарались придать желаемое выражение.

Ник Картер тихо присвистнул сквозь зубы. Приложив руку ко лбу, он стоял, погруженный в глубокое раздумье.

— Это дело рук Инес Наварро! — сказал он вполголоса, говоря, скорее, с самим собой. — Но к чему все эти фокусы, которые как будто только и рассчитаны на то, чтобы навести на ее след... Если бы она заставила нас найти труп где-нибудь в другом месте, то это произвело бы то же самое действие, и никому бы в голову не пришло, что Инес Наварро, королева преступников, и супруга миллионера Менасто — одно и то же лицо.

Громкий звонок телефонного аппарата вырвал его из глубины размышлений.

— Ах да! Архитектор из Альбани! Я и забыл о нем! — проговорил сыщик, поспешно направляясь к аппарату. — Я сейчас приду, доктор, — крикнул он вслед удалявшемуся врачу. —

Вы легко можете себе представить, какой огромный интерес представляет для меня ваше неожиданное открытие!

При этом он подсел к письменному столу и поднес трубку к уху.

— Алло! Это Ник Картер. Кто говорит?

— Архитектор Менасто, сейчас из Альбани, — ясно раздалось в трубке. — Мне сообщили, что вам необходимо со мной поговорить... Вот, я жду уже битых полчаса и стою, как на угольях!

— Извините меня, мистер Менасто, но я никак не мог освободиться раньше, — начал разговор Ник Картер, — дело касается одного чрезвычайно странного происшествия, о котором я принужден говорить с вами хотя бы по телефону... Но прежде всего один вопрос: есть ли у вашей жены двойник? Может быть, какая-нибудь поразительно похожая на нее родственница, сестра, скажем?

— По какому праву вы задаете мне этот вопрос, мистер Картер? — последовал довольно резкий ответ. — Какое вам дело до семейных отношений моей жены?.. Вы, насколько я знаю, сыщик, и, как таковой, преследуете преступников... Надеюсь, что в этой связи вы не посмеете упоминать даже имя моей жены!

— Боже мой! Не волнуйтесь так, мистер Менасто! — успокаивал его сыщик и невольно улыбался. — Я не суюсь в ваши семейные отношения; они сами напрашиваются на мое внимание, встречаясь мне на дороге, по которой я иду по обязанности.

— К делу, пожалуйста, будьте так любезны, потому что у меня времени немного! — нетерпеливо заговорил опять архитектор.

— С удовольствием. Значит, во-первых, имею вам сообщить, что сегодня утром в вашей конторе, из которой я сейчас и веду с вами разговор, найден труп женщины.

— Мертвая женщина в моей конторе! — сейчас же отозвался, очевидно, крайне пораженный архитектор.

— Вот именно!.. И вот, во-вторых, весь ваш персонал утверждает, что узнает в этой мертвой женщине вашу супругу!

— Боже мой!

Крик этот раздался в телефонной трубке так громко, что его услышали все находящиеся в комнате.

— Ради Бога, мистер Картер, заклинаю вас, говорите все! — опять послышался голос архитектора. — Моя дорогая жена мертва — нет, нет! Не может быть!.. Я вчера только оставил Кармен... Она, правда, была не совсем здорова, но она очень нежна и часто вынуждена ложиться в постель... Но мертвая!.. Убитая!..

Ник Картер ясно расслышал, как несчастный муж на другом конце провода громко зарыдал, пораженный горем и тоской.

— Не отчаивайтесь пока! — возразил сыщик. — Я не говорю, что покойница — действительно ваша жена. Я не имею права утверждать это, тем более что в вашей квартире находится одна леди, которая выдает себя за вашу супругу.

— Выдает? — со стоном переспросил архитектор. — Что это значит, милостивый государь? Вы позволяете себе шутить самыми святыми для меня чувствами!

— Не волнуйтесь! — снова успокоил его Ник Картер. — Кто вам говорит, что я шучу? Я, право, не ради шутки разговариваю с вами, мистер Менасто. По-моему, ваше семейное счастье в самой ужасной опасности. Будьте же мужчиной и постарайтесь говорить спокойно. Всякие упреки и жалобы с вашей стороны не приведут нас к цели!

Было что-то внушительное и властное в этих словах знаменитого сыщика, так что спокойствие его явно передалось и несчастному мужу на другом конце провода.

— Хорошо, я постараюсь быть совершенно спокойным, мистер Картер! — сказал архитектор. — Но согласитесь сами, кто мог бы сохранить душевное равновесие, получив такие ужасные вести!

— Конечно, я вас вполне понимаю. Однако к делу, мистер Менасто. Я вынужден снова вмешаться в ваши семейные отношения и повторить заданный мной ранее вопрос.

— Но жива ли Кармен, здорова ли она? — настаивал архитектор.

— Вы спрашиваете у меня то, на что я сам не могу найти ответа, мистер Менасто! — спокойно возразил ему Ник Картер. — Я уже говорил вам, что в вашей квартире сейчас находится одна леди, как две капли воды, точь-в-точь похожая на мертвую женщину, найденную в вашей конторе. Эту леди прислуга тоже признает за свою госпожу.

— Ну так что же вы хотите? — снова закипятился архитектор. — Женщина, найденная в моей конторе, является, по всей вероятности, злосчастной Инес, сестрой-близнецом моей бедной жены.

На этот раз сыщик не удержался от возгласа крайнего удивления.

— Вот когда дело, наконец, выясняться начинает! — воскликнул он. — Пожалуйста, мистер Менасто, скажите мне все, что вам известно по поводу этой Инес... Ее зовут Инес Наварро, не так ли?

— Совершенно верно, — ответил архитектор. — Признаюсь, мне чрезвычайно неприятно, что в это дело замешано имя моей свояченицы, потому что она ужасно несчастная женщина, и ее красота не принесла ей благополучия... Я, собственно, поклялся и моей жене, и Инес, что вообще не буду говорить о присутствии этой последней в Нью-Йорке. Она должна скрываться, чтобы избежать смерти от руки преступного супруга, опустившегося до положения подлого злодея... Вы не можете себе представить, до чего тяжело мне говорить об этих ужасных событиях в семье моей жены, тем более что ни она, ни бедная милая Инес не заслуживают ни малейшего упрека. Но ваше сообщение о найденном трупе, так поразительно похоже на мою жену, заставляет меня с уверенностью предполагать, что Инес, очевидно, все-таки сделалась жертвой своего злодея-мужа. Правда, как она могла попасть в мою контору — этого я совершенно не понимаю... Ключ она могла получить только от ночного сторожа, а тот безусловно надежный человек, и уже много лет состоит у меня на службе. К тому же я вообще не знаю, что ей могло понадобиться в моей конторе.

— Об этом я переговорю с вами со всеми подробностями, как только вы опять будете в Нью-Йорке, мистер Менасто, — заметил сыщик. — Но не будем отвлекаться от дела... и этой Инес Наварро, которую я, впрочем, знаю лично и о которой я знаю, что она действительно как две капли воды похожа на сестру... несмотря на это сходство трупа, говорю я, все-таки нельзя сказать с уверенностью, что покойная действительно одна из двух сестер-близнецов.

— Ради Бога, мистер Картер, я начинаю терять всякую способность понимать что бы то ни было! — простонал архитектор. — Что же мне подумать? Во всем свете вы во второй раз, наверное, не сыщете такого феноменального сходства!

— С этим я согласен. Однако я не могу точнее обосновать свое предположение до тех пор, пока самому себе не проясню вопрос... Но через вас, я надеюсь, я буду знать уже все что нужно, ответил сыщик. — То, что вы рассказываете об Инес Наварро, для меня совершенно ново... Я знаю ее как опаснейшую, ни перед чем не останавливающуюся преступницу.

— Что вы себе позволяете, милостивейший государь! — вспыхнул архитектор. — Инес — святая женщина!

— Мистер Менасто, вы — образованный человек и, я думаю, читаете газеты, а? — сухо спросил сыщик.

— Да, но...

— Пожалуйста, никаких «но». Лучше выслушайте меня спокойно, — продолжал Ник Картер. — Несколько недель тому назад во всем Нью-Йорке был только один разговор о том, как один из известнейших преступников успел бежать из залы суда посредством поднятой там ложной тревоги.

— Ага! Я так и думал, — вы намекаете на случай с Каррутером! — засмеялся архитектор. — Так позвольте мне сказать вам, мистер Картер, что моя свояченица по отношению к этому мистеру Каррутеру, которого я, впрочем, знал лично и всегда находил настолько джентльменом, что до сих пор еще не совсем-то верю в его преступность...

— Позвольте, позвольте! — прервал его сыщик. — Я согласен, что Морис Каррутер отлично сумел надуть весь мир, и вы не единственный, мистер Менасто, который считает Мориса Каррутера жертвой юридической ошибки... Но позвольте уж мне, хорошо знающему все обстоятельства дела, сказать вам, что Каррутер — опаснейший злодей во всем Нью-Йорке и так же подл, как эта ангельская Инес Наварро.

— Нет, это уже чересчур... я не потерплю, чтобы такой вопиющей несправедливостью оскорбляли сестру моей жены! — снова закипятился архитектор. — Я согласен, она поступила необдуманно, когда публично скомпрометировала себя из-за этого Каррутера... Поэтому поводу даже произошла некоторая размолвка между ею и моей женой... Но несчастная горько поплатилась за то, что послушалась веления своего сердца, а не рассудка: во всех газетах появились ее портреты, что опять-таки было досадно для моей жены. И вот эти портреты снова обратили на несчастную Инес внимание ее ужасного мужа... Чтобы не сделаться жертвой этого злодея, покушавшегося на ее жизнь, она должна была скрываться ото всех; мало того, она поминутно должна была менять свое местопребывание, и мне самому стоило немалых трудов помогать ей в поиске все новых тайных приютов.

— Поразительно, — вырвалось у сыщика, который от удивления чуть было не выронил трубку, — значит, это вы, мистер Менасто, давали этой королеве преступников возможность скрываться от наших беспрестанных преследований!

— Но позвольте, мистер Картер!

— Ничего не позволяю, мистер Менасто! Лучше скажите мне, видели ли вы когда-нибудь этого кровожадного мужа вашей свояченицы?

— Нет, но Инес...

— Всегда рассказывала о нем, и вы верили ей, — с насмешкой закончил за него сыщик. — Да, мистер Менасто, в этом случае я понимаю ваше легкоеверие... Позвольте, позвольте! — снова остановил он архитектора, когда тот опять загорячился было. — Выслушайте меня до конца... на самом деле это были я и мои помощники, которые преследовали эту Инес Наварро и от которых она в последнюю минуту всегда успевала куда-то исчезать. Надо вам сказать, что Морис Каррутер был арестован в том самом доме по 77-й улице, в котором тогда жила ваша свояченица. Дом этот был соединен с соседним посредством тайной двери, и в нем мы нашли богатейший склад наворованных вещей. Ваша прекрасная свояченица на самом деле была руководительницей целой шайки опаснейших разбойников.

— Мистер Картер, вы нагромождаете одно оскорбление на другое, и вы ответите мне за это, клянусь всеми святыми...

— Пожалуйста, без угроз, если возможно, — резко остановил его Ник Картер, — они не производят на меня никакого впечатления, тем более что я никогда не говорю того, что не могу доказать на деле. После вашего возвращения в Нью-Йорк я покажу вам одно письмо, которое получил от Инес Наварро, в котором она хладнокровно признается мне во всех своих злодеяниях... Однако до вашего возвращения остается еще много драгоценных часов, которые надо использовать, чтобы не доставить новое торжество гениальной королеве преступников! —

окончил он разговор. — Повторяю, в вашем доме находится леди, которая выдает себя за вашу супругу; тем не менее я имею сильное основание предполагать, что на самом деле — это Инес Наварро.

— А я повторяю вам, что вы ошибаетесь! — резко отозвался архитектор. — Неужели я не узнаю своей жены, с которой живу уже пять лет!

— В этом я охотно вам верю! — согласился Ник Картер. — Но из Альбани вы не имеете возможности судить, действительно ли та женщина, которая называет себя вашей супругой, настоящая миссис Менасто.

— Послушайте, мистер Картер! Вы сводите меня с ума! — застонал архитектор. — Я хотел бы тут же прилететь в Нью-Йорк.

— Этому я сам был бы чрезвычайно рад! — ответил сыщик. — При данном положении дел мне, однако, приходится немедленно попытаться выяснить дело без вашего присутствия... Конечно, мне не хотелось бы приступить к аресту вашей настоящей или мнимой супруги, пока я еще не отдал себе отчета о тождестве этих лиц.

— Еще бы! Этого еще не хватало! — закипятился опять архитектор. — Я привлеку вас к личной ответственности, мистер Картер, если вы осмелитесь беспокоить мою супругу!

— Угрозы, повторяю вам, не пугают меня! — холодно возразил сыщик. — Будьте благоразумны, мистер Менасто, наши интересы вполне сходятся, они нисколько не противоречат друг другу... скажите, не существует ли между вами и вашей женой какая-нибудь тайна, о которой не знает решительно никто, не знает и Инес Наварро?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Очень просто. Потому что я потребовал бы тогда выдачи этой тайны от вашей жены или той, которая себя за нее выдает, — спокойно объяснил ему Ник Картер. — Если та, которую я подозреваю, знает эту тайну, то я, конечно, не прав, и должен буду искать разгадку в совершенно другом направлении... в противном случае она действительно Инес Наварро, которая разыгрывает в вашем доме полноправную хозяйку, — в таком случае надо как можно скорее искать вашу настоящую жену, потому что, повторяю, я имею все основания полагать, что покойница, найденная у вас в конторе, на самом деле не является ни вашей супругой, ни Инес Наварро.

— У меня ум за разум заходит!

— Соберитесь с мыслями и постарайтесь припомнить, не можете ли вы дать мне желаемое средство к познанию истины? — торопил его сыщик.

Несколько минут он напрасно ждал ответа. Наконец опять раздался голос архитектора.

— Даете ли вы мне честное слово, мистер Картер, что вы никогда, ни теперь, ни в будущем, не станете пользоваться тем, что я сейчас сообщу вам, что вы никогда никому не скажете ни единого слова? Если вы согласны дать мне свое честное слово, я сообщу вам тайну, которую не знает никто, кроме меня и моей жены.

— Собственно говоря, я в принципе против такого рода обещаний, — после некоторого раздумья ответил сыщик. — Но так как дело спешное, то на этот раз цель пускай оправдывает средство... Итак, мистер Менасто, даю вам честное слово, что об этой тайне я буду говорить только с той леди, которая в данную минуту выдает себя за вашу супругу.

— Хорошо же, — с трудом выговорил архитектор, — я знаю, что вы — человек безусловно порядочный и что я могу вполне положиться на данное вами слово. Слушайте же: как говорит самое мое имя, я по происхождению итальянец. Свое настоящее положение я создал собственным трудом и сделался миллионером, но этим вызвал зависть бывших земляков. Тут вмешались еще разные другие обстоятельства, которые не представляют для вас никакого интереса, — ну словом, я навлек на себя смертельную вражду мафии.

— А! Вы говорите о том гнусном тайном союзе, который распространился по всей стране и тоже работает «черной рукой»! — воскликнул сыщик.

— Вот именно! — подтвердил архитектор. — Сначала я исполнял все требования обращенных ко мне угроз, но потом понял, что этим вымогательствам не будет конца, и отказался от всяких дальнейших платежей. Тогда меня осудили на смерть. С тех пор я всегда ношу под одеждой панцирь, который уже несколько раз спасал меня от направленных в меня пуль и ножевых ударов. Но однажды злодеи проникли даже в мой дом и чуть было не убили меня. И вот я устроил у себя дома особое приспособление, о существовании которого знает только одна моя жена. Дело в том, что я во всякое время имею возможность произвести взрыв динамита из таких мест, которые доступны только мне и моей жене и в которых, таким образом, ни прислуга, ни кто-либо другой непосвященный не могут причинить себе нечаянного несчастья.

— Однако! — сказал Ник Картер, качая головой. — В таком многолюдном городе, как Нью-Йорк, это несколько рискованное средство самозащиты.

— Не беспокойтесь, мистер Картер. Я — специалист этого дела и предусмотрел все возможности, исключив всякую опасность несчастного случая; к тому же отдельные мины хотя и достаточно сильны, чтобы убить человека, быть может даже, поджечь дом, но для соседей они, во всяком случае, не представляют опасности... Ну вот, у меня и моей жены на случай нападения и опасности условлен особый пароль, а именно, слово «Менкар», то есть имя моей жены в обратном порядке слогов. У нас было условлено, что как только кто-нибудь из нас почувствует опасность, он должен крикнуть это слово, тогда другой вызовет действие соответствующей мины простым нажатием на электрическую кнопку.

— Но разве опасность настолько велика, чтобы оправдывать подобные чрезвычайно опасные средства самообороны? — спросил Ник и покачал головой.

— Милостивый государь, вы не знаете мафии! — ответил архитектор. — Они уже дюжинами проникали в мой дом. Спросите у моей жены условленный пароль... Она поклялась мне всеми святыми, что никому не выдаст его... а я знаю свою жену... она святая и клятву свою сдержит!

— Я сейчас же воспользуюсь вашим сообщением, — окончил сыщик разговор и только попросил архитектора немедленно известить его, как только он прибудет в Нью-Йорк.

Но Ник Картер еще не отошел от телефона; окончив разговор, он тут же попросил соединить его с больницей Белльвью.

Через минуту в аппарате послышался голос врача Зильбермана, взявшего на себя вскрытие трупа.

— Не придете ли вы сюда, мистер Картер? — спросил он сыщика.

— Я хотел бы раньше этого окончить еще одно очень важное дело, — возразил Ник. — Поэтому я и позвонил, чтобы спросить вас, безусловно ли необходимо мое присутствие?

— Видите ли, вам действительно обязательно надо поглядеть на труп, потому что это один из самых курьезных случаев, когда-либо встречавшихся в моей долголетней практике. Но так как покойница все равно ведь не убежит и так как она, во всяком случае, не тождественна с маской или подозреваемой вами личностью...

— Не тождественна... значит, действительно не тождественна? — воскликнул до крайности изумленный сыщик.

— Нисколько! — ответил голос врача. — Смерть наступила уже по крайней мере неделю назад, и притом была вызвана ударом ножа в левый бок. Волосы крашеные; первоначально они были белокурые, а теперь они черные, как смоль. Лицо и шея покрыты воском... вы ведь знаете, что это такое?

— Кажется, да, — ответил сыщик. — Во Франции гримировка человеческого лица доведена до степени настоящего искусства: самые некрасивые женщины превращаются в писанных красавиц, подвергаясь довольно, правда, продолжительной и болезненной процедуре гримировки лица. Последняя состоит в том, что лицо покрывается тончайшим слоем воска, которому можно, конечно, придать любую форму.

— Вот именно!.. Это может сделать лицо прекрасным, но имеет тот недостаток, что под таким слоем воска нельзя ни смеяться, ни вообще двигать мускулами лица; кроме того, необходимо тщательно предохранять лицо от сырости, потому что такой тонкий слой трескается, и лицо принимает ужасный вид. Если же, наоборот, беречь эту накладную кожу, то она может выдержать несколько лет, прежде чем необходимо будет ее возобновить.

— Итак, доктор, вы полагаете, что лицо покойницы загримировано? — спросил сыщик.

— Я не полагаю этого, я это просто утверждаю, — заявил доктор Зильберман. — Слой воска имеет почти четверть дюйма толщины и положен, видимо, совсем недавно. Труп же, как я вам уже говорил, бальзамирован. Я освободил одну половину лица от покрывавшего его воска и нашел, что покойница при жизни имела довольно обыкновенное лицо ирландского типа, между тем как восковой покров превратил ее в женщину редкостной и необыкновенной красоты.

— Благодарю вас, доктор, — сказал сыщик. — Как только у меня будет свободная минутка, я непременно зайду посмотреть на эту интересную покойницу, а теперь прощайте, я тороплюсь! — и сыщик дал отбой.

Вероятно, ни разу еще в своей бурной жизни великий сыщик Ник Картер не переживал момента такой полной растерянности и недоумения. Сообщение врача сразу доказало ему несостоятельность всех принятых им ранее предположений. Теперь, прежде чем действовать дальше, надо было хоть на сколько-нибудь уяснить себе новое положение дел.

Он отправился в парк и, найдя уединенную скамейку, сел на нее, чтобы предаться своим размышлениям.

Со свойственной ему необыкновенной силой духа, он сумел сразу же углубиться в интересующие его вопросы; мысли его в стройном логически порядке еще раз перебирали по отдельности каждую подробность необыкновенного происшествия.

Ему стало ясно, что королевой преступников во всем этом деле руководило двоякое намерение. Во-первых, она хотела воспрепятствовать Нику Картеру сопровождать Мориса Каррутера в Зинг-Зинг — это ей удалось. А во-вторых, она хотела вообще покончить с сыщиком, и поэтому соединила телефонный аппарат в конторе с динамомашинной в подвале.

Но почему же Инес избрала местом покушения именно контору мужа своей сестры? Вот вопрос, который все еще никак не поддавался никаким объяснениям. Вот обстоятельство, которое все еще казалось непонятным и ненужным. Ник Картер не мог понять, каким образом такая умная, ловкая женщина, как Инес Наварро, могла допустить такую нелепую и бессмысленную ошибку. А кроме этого, находились еще и другие загадки. Если Инес в данную минуту играет роль жены архитектора — а Ник голову дал бы на отсечение, что это было действительно так, — что же случилось тогда с ее сестрой, настоящей миссис Менасто? Может быть, Инес устранила и ее... Едва ли — не так легко устранить человека, в особенности в данном случае, когда Инес нуждается в поддержке мужа сестры.

Было еще одно обстоятельство, которое тоже оставалось загадочным, несмотря на самые напряженные размышления. Эта мнимая миссис Менасто разыгрывала роль хозяйки не только сегодня; она, очевидно, разыгрывала ее уже вчера, и даже еще раньше, так как она знала о вещах, которые явно свидетельствуют, что она была в доме в течение уже нескольких дней. Неужели и перед архитектором, который только вчера ведь выехал из Нью-Йорка, Инес играла роль его жены?

Нет! Это казалось совершенно немыслимым: Менасто должен был бы быть идиотом, чтобы не заметить такого обмана. Ведь он сам говорил, что женат уже пять лет и что все эти годы он жил с женой совершенно счастливо. Пускай сестра-близнец была Бог знает как похожа на жену, но разве вообще возможно, чтобы это сходство обмануло даже мужа? Об этом не стоило и думать! Такое предположение было бы просто смешно!

А что, если бессовестная, опытная во всяких кознях и интригах Инес просто вела двойную жизнь, если она была в одно и то же время и Инес Наварро, королевой преступников, и Кармен Менасто, обожаемой супругой миллионера? Но и эту мысль пришлось отбросить: она была еще невозможней того, первого предположения. Из слов архитектора было совершенно ясно, что он отлично знал сестру своей жены и что Инес нередко бывала вместе с ним и его женой. А раздвоиться не смогла бы даже Инес Наварро.

Где же правда?

Начинало казаться, что женщина в доме архитектора действительно была его женой, Кармен, но что-то в душе Ника Картера упорно отказывалось принять это предположение. У него была необыкновенная память на лица. Людей, совершенно ему неинтересных, с которыми ему приходилось произносить всего несколько слов, он узнавал через много лет, помнил их имена... А это была Инес Наварро, королева преступников. Ее внешность, ее движения, ее улыбку, ее манеру говорить, ее гордый бесстрашный взор — все это он изучил и навеки запечатлел в своей памяти: пускай у нее была бы целая тысяча двойников, Ник Картер, не задумываясь, сейчас же указал бы на нее. Нет, тысячу раз нет! Он не ошибается, не может ошибаться! Эта мнимая миссис Кармен Менасто на самом деле была Инес Наварро, королева преступников!

Но как доказать это? Вот что опять-таки казалось совершенно невозможным. У нее была масса свидетелей, которые все признавали в ней миссис Менасто; одно то обстоятельство, что ее двойника нашли мертвой в конторе архитектора, уже должно было говорить в ее пользу... а уверению Ника Картера, что двойник-то, именно пользуясь поразительным сходством, занял место жены архитектора, убив эту последнюю, этому все равно никто не поверил бы.

А! Эта Инес была гениальная женщина — она у него, великого игрока, взяла все козыри из рук. Какое ей было дело до того, что именно предполагали, в чем ее подозревали... против нее не было, все равно, и тени какой-нибудь улики. Она должна была выйти победительницей из этой дьявольской игры... должна была остаться на завоеванном месте, назло старому жизненному правилу, по которому каждая вина раньше или позже должна понести заслуженную кару!

Недовольный самим собой Ник Картер вскочил и сжал кулаки. Неужели она победит, эта королева преступников? Неужели он должен потерпеть от нее первое поражение в своем славном жизненном пути? Нет! Тысячу раз нет! Этого нельзя было допустить!

Он тут же решил вернуться к Инес Наварро и, не откладывая, завязать с ней решительную борьбу.

Сыщик направился к выходу из парка, как вдруг его внимание привлек какой-то человек, который, приближаясь с восточной стороны парка с видимой поспешностью, не оглядываясь ни вправо, ни влево, быстро шел по главной аллее.

С первого же взгляда Ник Картер узнал этого человека, быстро юркнул в кусты и пропустил его мимо себя; человек прошел, ничего не заметив.

— Панхо! — пробормотал про себя сыщик. — Панхо, правая рука и доверенный прекрасной Инес Наварро.

Опасная преступница сумела окружить себя целой лейб-гвардией, числом около двенадцати, мужчины эти были привязаны к ней с верностью собаки, являясь послушным

орудием при исполнении ее преступных замыслов. Они не останавливались ни перед каким злодейством, как бы гнусно оно ни было. К великой досаде сыщика, всем им, после ареста Каррутера, удалось скрыться вместе с Инес Наварро; все попытки разыскать их остались безуспешными, они, как и их прекрасная королева, как в воду канули.

И вот Ник Картер неожиданно увидел одного члена этой лейб-гвардии — Панхо; он несколько изменил свою внешность, сбрил усы, а черные жгучие глаза скрывал за темными очками, но никакими уловками он, конечно, не мог обмануть знаменитого сыщика. Ник Картер сейчас же взялся за преследование негра, действуя с той необыкновенной ловкостью, которая была у него выработана долголетней практикой и опытом.

Судя по направлению, в котором шел Панхо, он, очевидно, направлялся к Инес Наварро.

Он вышел из Центрального парка и через Западный парк свернул на 86-ю улицу. По ней он дошел до авеню Колумба и достиг ее как раз в тот самый момент, когда сыщик спрятался за углом Западного парка и 86-й улицы, чтобы проследить за дальнейшими передвижениями преследуемого. Панхо, не задумываясь, пошел на юг вдоль авеню Колумба.

Теперь Ник Картер уже не сомневался, что Панхо направляется к королеве преступников; надо полагать, что он, конечно, не войдет в дом архитектора прямо с улицы и что у него есть, несомненно, какие-то особо секретные ходы.

Тут сыщику явилась счастливая мысль, что у него будет большое преимущество, если ему удастся перегнать Панхо и быть на месте раньше него. Не успел он об этом подумать, как тут же помчался вперед. Не выходя из Западного парка, он бросился бежать на юг, так что многочисленные прохожие только оглядывались на него с удивлением, думая, что он выскочил из сумасшедшего дома. Один из полисменов на углу хотел было даже остановить мнимого беглеца, но тут же узнал Ника Картера и потому только посмотрел ему вслед, широко открыв рот и подумав: «Однако! Побежал наш знаменитый сыщик! Должно быть, опять кого-нибудь заметил. Не хотел бы я быть в шкуре этого невезучего — будет уже ему даровая квартира, и, вероятно, не на один год!»

В бешеном темпе Ник Картер добежал до того квартала, в предпоследнем доме которого находилась квартира архитектора. Здесь улица была довольно пустынна; сыщик сразу же заметил на другой стороне Дика, который, в свою очередь, заметил его и хотел было подойти.

Но Ник Картер не хотел задерживаться; он даже не изменил скорости своего бега, только сделал Дику знак и свернул за угол, чтобы тем же бешеным темпом добежать до авеню Колумба. Здесь он, как сумасшедший, перебежал улицу перед самым вагоном мчавшегося на юг электрического трамвая и через секунду юркнул под ворота одного из домов на западной стороне авеню Колумба, откуда стал пристально поглядывать на север, ожидая, когда покажется преследуемый.

Ага! Вот и Панхо! Он, видимо, устал от быстрой ходьбы и шел уже гораздо медленнее прежнего.

Ник стал спокойно ждать, что будет дальше, внимательно следя за каждым движением негодяя. Со стороны авеню Колумба весь тот квартал, к которому принадлежал и дом архитектора Менасто, представлял собой одни казарменного типа постройки, в нижних этажах которых помещались самые разнообразные магазины. Крыши, как и у большинства нью-йоркских домов, были плоские и служили для развешивания и сушки белья.

Еще не дойдя до дома архитектора, Панхо вдруг скрылся в одном из соседних подъездов; но Ник Картер сразу же понял, что он, очевидно, не имел намерения оставаться в этом доме, а только хотел через его задние квартиры выйти во двор, там же уже нетрудно было незаметно перебраться через низкие дощатые заборы и попасть туда, куда ему было нужно.

Через секунду и сыщик исчез в одном из соседних домов. Перепрыгивая по три, по четыре

ступеньки, он стрелой взбежал вверх по лестнице до самой крыши. В конце лестницы, на чердаке, находилась деревянная будка, служившая одновременно и коробкой для незамысловатого лифта, на котором жители задних квартир спускали и поднимали белье, уголь и т.п. Дверь на крышу стояла незапертая. Вся крыша была увешана бельем, и за развевающимися на ветру простынями сыщику легко было укрыться от любого наблюдательного взгляда.

Добежав до самого края крыши, обращенного в сторону двора, Ник Картер лег там на живот и осторожно выглянул вниз. Так и есть: внизу, во дворе, только что снова показался черномазый Панхо. Ник Картер не шевелился, зорко следя за каждым движением негодяя. Тот между тем быстро влез на забор, окружавший маленький садик, но не соскочил с него, а пошел, балансируя, по довольно тонкой перекладине забора.

Сыщик невольно посмотрел на задние фронтоны домов, которые, принадлежа к тому же кварталу, выходили на Западный парк. Ему не составило труда найти среди них дом архитектора Менасто. Вот у одного из окон второго этажа показалась женская фигура. Это была Инес Наварро; острый глаз Ника Картера сразу же узнал королеву преступников. Отодвинув одну половину занавески, она, видимо, внимательно наблюдала за приближающимся по заборам черномазым Панхо.

Тот между тем тоже, очевидно, успел заметить свою начальницу. Он вдруг остановился и замахал руками, как крыльями ветряной мельницы, потом постоял неподвижно и снова сделал то же движение. Три раза повторил он этот маневр, а потом остановился, выжидая и как бы прислушиваясь.

Женщина у окна слегка приоткрыла его, а после этого несколько раз подряд сильно хлопнула створками, так что стекла в них зазвенели.

Очевидно, это был заранее условленный знак, точно так же как и своеобразные движения Панхо; последний вдруг повернулся обратно и тем же путем, которым пришел, направился вновь в сторону авеню Колумба.

Ник Картер стал быстро соображать, как ему поступить теперь.

Правда, Панхо был опасный преступник, которого необходимо было арестовать; но гораздо важнее было схватить прекрасного демона. Арест Панхо потребовал бы некоторого времени... А время было чересчур дорого, в особенности теперь, когда Инес получила какое-то извещение, содержание которого для сыщика, естественно, оставалось еще непонятным, но которое могло побудить королеву преступников к каким-нибудь немедленным действиям. «Нет! — решил сыщик. — Пускай Панхо пока наслаждается своей свободой!»

Когда Ник Картер снова вышел на улицу, он еще успел заметить, как Панхо вскочил в вагон поехавшего на юг трамвая. Дорого дал бы сыщик, чтобы иметь сейчас под рукой одного из своих помощников и послать его вдогонку за преступником; последний, очевидно, теперь возвращается в свое убежище, в котором он скрывается от полиции вместе с остальными своими товарищами. Но под рукой помощников не было, и Панхо уехал неизвестно куда.

Ник Картер вернулся опять к Западному парку; Дик все еще стоял на прежнем месте. Ник сделал ему незаметный знак, чтобы он оставался на своем посту, а сам направился прямо в квартиру архитектора.

— Извините, мистер Картер, барыня не может вас принять! — сказала горничная. — Придется уж вам подождать до приезда мистера Менасто.

— Ну это уж мое дело, ждать мне или не ждать, — заявил сыщик, без разговоров отстранил горничную и вошел в дом. — А впрочем, я только что подробно переговорил с мистером Менасто по телефону; он именно и просил меня зайти к его супруге.

Через несколько минут сыщик стоял уже в гостиной. Прекрасная хозяйка вышла к нему в красном платье, которое показалось ему как-то особенно знакомым. Он тут же припомнил, что

однажды уже видел Инес в этом костюме, а именно в ту достопамятную ночь, когда он с опасностью для жизни забрался в дом на 77-й улице и арестовал там Каррутера.

Мнимая миссис Менасто смерила его удивленным взглядом. Едва только горничная вышла из комнаты и закрыла за собою дверь, она обратилась к сыщику и сказала с оскорбленным видом:

— Откровенно говоря, мистер Картер, я нахожу, что вы довольно навязчивы... Может быть, вы действуете по долгу службы, но мне кажется, и сыщик должен уметь уважать желание дамы. Когда придет муж, он непременно потребует от вас объяснений!

Тон ее был настолько уверенным, негодование казалось таким неподдельным, а все ее поведение настолько непринужденным, что даже Ник Картер, при других обстоятельствах, снова усомнился бы в правильности своего предположения. Но теперь, когда он только что был свидетелем секретных переговоров между прекрасной преступницей и ее верным помощником Панхо, он был слишком уверен в себе для того, чтобы ловко разыгранная комедия королевы преступников могла произвести на него какое-нибудь впечатление. Он только невольно удивлялся ее необыкновенному умению притворяться и мастерскому исполнению принятой на себя роли.

— Послушайте, Инес Наварро! Мне кажется, эта игра в прятки совершенно не нужна, — начал он небрежным тоном.

Прекрасная женщина вздрогнула и смерила его гневным взглядом.

— Вы опять осмеливаетесь оскорблять меня в собственном моем доме! — вспыхнула она и уже хотела протянуть руку к звонку. — Я позову на помощь... Вас силой выведут из моей квартиры!

— Не ломайтесь, пожалуйста, Инес Наварро, — хладнокровно перебил ее сыщик. — Мы одни — к чему же эта комедия? Чем скорее мы придем к какому-либо соглашению, тем лучше для вас и для меня.

— Я не хочу слушать вас! Каждое ваше слово — неслыханное оскорбление! — воскликнула прекрасная женщина и сделала движение, как будто хотела зажать себе уши.

— Ну-с, в таком случае я вынужден арестовать вас, и притом немедленно! — решительно заявил сыщик.

Прекрасная молодая женщина посмотрела на него сначала с презрением, потом удивленно и, наконец, даже рассмеялась.

— Вы действительно чрезвычайно забавны в вашем чрезвычайном усердии, милейший мистер Картер, — сказала она. — Вы хотите арестовать меня за то, что я имею несчастье походить на мою бедную сестру, и походить до того, что даже вы, со своим хваленым острым глазом, поддались заблуждению?.. Милостивый государь, я не знаю законов, к тому же я только слабая женщина и не могла бы оказать вам никакого серьезного сопротивления. Но муж отомстит за нанесенное мне оскорбление!.. И вся ваша слава не освободит вас от необходимости ответить за вашу неслыханную грубость!

— Хорошо сказано, Инес! — сухо заметил на это Пик Картер и спокойно уселся в одно из кресел. Внутренне, правда, он так и дрожал от волнения, так как сам прекрасно знал, что все его предположения были недостаточны для того, чтобы дать ему право на арест прекрасной преступницы... да, эта Инес Наварро была достойной противницей. Арест ее неминуемо вызвал бы грандиознейший скандал — мало того, он все равно окончился бы ее освобождением, потому что королева преступников с такой необыкновенной предусмотрительностью подготовила себе самые блестящие оправдания, что судьи и присяжные должны были безусловно поверить ей и признать ее арест излишним насилием над беззащитной женщиной. Все дело кончилось бы только позором для одного Ника Картера, употребившего такое насилие. Нет, этого сыщик не

хотел допустить. Он хотел арестовать прекрасного демона для того, чтобы видеть его осужденным; а для этого надо было предварительно заманить преступницу в ловушку и осторожно, постепенно добиться от нее таких признаний, которые уже дали бы ему право действовать решительно.

— Хорошо! — сказал он, внешне оставаясь совершенно спокойным. — Вы сами, следовательно, не оспариваете того факта, что Инес Наварро существует. Вы соглашаетесь даже с тем, что она ваша сестра. Предположим же, что дело идет о ней, хотя я лично убежден, что вы — Инес Наварро. Во всяком случае, в ваших же интересах будет спокойно выяснить этот чрезвычайно щекотливый вопрос, избегая всяких громких сцен — убедите меня, что я ошибаюсь!

Прекрасная хозяйка села на некотором отдалении от него к изящному письменному столику; небрежно откинувшись на мягкую спинку стула, она вскинула на сыщика темные загадочные глаза.

— А мне кажется, мистер Картер, ваша обязанность — предварительно доказать мне, что моя сестра действительно такая ужасная преступница, за которую вы ее, очевидно, принимаете. Я лично знаю только, что она несчастная женщина... Хотя, признаться, некоторые события последнего времени действительно заставили меня несколько усомниться в ней, и я не вижу необходимости скрывать это от вас.

Сыщик кивнул головой.

— Не забывайте, — сказал он, — вы смотрите с точки зрения преступника, который говорит: я оспариваю все и жду доказательств противоположного. И вы, конечно, правы: чтобы добиться вашего осуждения перед присяжными, необходимо предварительно доказать, что вы — Инес Наварро, и далее — что эта женщина действительно совершила все те преступления, в которых она обвиняется.

— А нельзя ли узнать, какие такие ужасные злодеяния совершила моя несчастная сестра? — с насмешкой спросила прекрасная женщина.

— А не хотите ли вы просто и ясно дать мне доказательство того, что вы действительно супруга архитектора Менасто? — в свою очередь спросил сыщик.

— Вы преинтересны, мистер Картер! — засмеялась его прекрасная собеседница. — Вы проникаете в этот дом, в котором я вот уже пять лет являюсь полноправной хозяйкой, и требуете от меня, чтобы я дала вам доказательство своего права на существование... Спросите же прислугу — Бетси уже три года состоит у меня в услужении, кухарка тоже живет уже год, достаточно долго для того, чтобы прекрасно знать меня и дать какую угодно клятву для подтверждения моей личности. Или, еще лучше, спросите моего мужа... Скоро два часа пополудни, он уже на дороге сюда... Мне кажется, что он-то должен знать свою жену!

— Совершенно верно! — согласился Ник. — Я говорил с ним по телефону, и он сообщил мне, что жена его знает один пароль, который, кроме него и его жены, не знает решительно никто на свете... Он говорил, что жена его поклялась ему никому не выдавать этого слова.

— Совершенно верно, — поторопилась заявить Инес, — но мне кажется, что в данный момент не будет нарушением клятвы, если я выдам это слово высокому мудрому мистеру Картеру. Меня зовут Кармен, а в том слове первый слог моего имени поставлен на место второго, и слово это «Менкар»!

Она звонко засмеялась.

Ни один мускул не дрогнул на лице сыщика, хотя внутренне его так и передернуло. Он невольно удивлялся этой королеве преступников. Ясно, что она действительно жена архитектора! Она создала себе такое оправдание, против которого бессильно было всякое искусство знаменитейшего сыщика на свете. Она во всякое время могла указать на Инес

Наварро, свою сестру-близнеца, представляя ее виновной во всем, а себя чистой и невинной, как ангел.

— Хорошо! — сказал он. — Я должен сделать вам комплимент: вы мастерски задумали всю эту историю. И я чистосердечно признаюсь, что в данную минуту стоял бы перед вами в жалкой роли побежденного, если бы вы не допустили некоторых маленьких неосторожностей, которые должны все погубить, и погубят непременно.

Прекрасная женщина только улыбнулась.

— Вы очень забавны, мистер Картер, — возразила она. — На вас даже трудно сердиться... в вас есть что-то смешное. Если бы я была действительно Инес Наварро, хотя я, к сожалению, только ее сестра, я могла бы гордиться таким остроумным и ловким противником! — Она снова засмеялась.

Если бы у сыщика оставались еще какие то сомнения, эти ехидные колкости, это безжалостное издевательство убедили бы его окончательно: в них проглядывала настоящая Инес Наварро; такой она показалась ему уже и при прежних встречах, и, очевидно, она чувствовала себя очень уверенной, если, совершенно не стесняясь, позволяла себе это удовольствие посмеяться над своим смертельным врагом.

— Допустим на минутку, что вы Инес Наварро, — спокойно возразил он. — В таком случае я должен был бы вам сказать, что, несмотря на весь свой ум, вы поступили довольно неосторожно, подготовив покушение в конторе вашего мужа.

— Почему же! Позвольте вас спросить? — с любезной улыбкой спросила его молодая женщина.

— Вы поставили чересчур много на одну карту. Весь ваш план основывался, в сущности, на том, что сделаю я... если бы я дотронулся до телефона, то вы остались бы победительницей, потому что мертвых противников уже нечего бояться. Но я остался жив, и дело приняло уже совсем другой, довольно нежелательный для вас, оборот.

— Не чересчур ли вы полагаетесь на собственное совершенство, мистер Картер? — насмешливо спросила Инес.

— Дайте мне договорить! — таким же тоном возразил ей Ник Картер, а внутренне возликовал, видя, как его собеседница в пылу разговора не заметила даже, что сама тема разговора должна быть ей совершенно чужда; она же, напротив, оказывается посвященной в такие вещи, которые могла знать одна только Инес Наварро.

— Дело приняло для вас чрезвычайно нежелательный оборот потому, — продолжал сыщик, — что теперь на подкрашенную покойницу было обращено гораздо больше внимания, чем в том случае, если бы я погиб. Таким образом, нам удалось установить, что труп набальзамирован и что покойница умерла уже с неделю назад от удара ножом в левую грудь. Едва ли нужно будет еще особенно рассказывать, что и сходство с вами и... и... с вашей сестрой, — прибавил он с вызывающей усмешкой, — тоже оказалось только поддельным, так как восковой покров на лице был только маской... настоящей маской!

Однако сыщик ошибся в своих расчетах, если ожидал вызвать какое-то волнение в своей прекрасной собеседнице. Она только пожала плечами.

— То, что вы мне здесь рассказываете, для меня совершенно невероятно! — заявила она с полнейшим спокойствием. — Нет сомнения, что случилось нечто ужасное... какое-то преступление, в котором вы обвиняете мою сестру, по праву ли или не по праву, об этом судить не мне, но, во всяком случае, меня лично все это касается столько же...

— Сколько, например, арест Панхо, — быстро dokonчил сыщик.

Он отлично заметил, что в первую секунду прекрасная женщина чуть-чуть вздрогнула; но она сейчас же весело рассмеялась.

— Милейший мистер Картер, если бы я действительно была преследуемая и так тяжело обвиняемая вами Инес Наварро, то я должна была бы благодарить небо за то, что оно послало мне такого наивного преследователя, — воскликнула она насмешливо. — Вам хотелось поймать меня? Оставьте, пожалуйста, дорогой мой. Видите ли, я случайно знаю бывшего лакея моей сестры... а Панхо, во всяком случае, не арестован, — прибавила она торжествующим голосом, — потому что я еще с четверть часа тому назад видела его внизу, на улице!

Она громко и торжествующе засмеялась.

Но сыщик чуть не подпрыгнул от радости, он знал, что скоро настанет его очередь радоваться. Хитрая, ловкая женщина на этот раз промахнулась. Она, видимо, не так поняла его намеки и предположила, что сыщик хотел сказать, будто Панхо арестован за участие в ночном преступлении в конторе архитектора. В своем издевательстве над сыщиком она увлеклась и забыла про осторожность. Ник Картер тут же с быстротой молнии сообразил, что Панхо был действительно причастен к преступлению, вероятно, был даже главным его исполнителем. Инес Наварро же лично совсем не принимала в нем никакого участия. Она спокойно осталась в постели, а исполнение придуманного ею плана предоставила одним только своим сообщникам. В качестве жены архитектора ей, конечно, не трудно было раздобыть себе дубликат ключа, она дала его своим товарищам, а те уже исполнили задуманное ею дело.

Сыщик решил идти напролом.

— Вы ошибаетесь, Инес Наварро, — холодно заметил он. — Панхо арестовали не сегодня утром. Двое из моих помощников следили за ним сегодня ночью, когда он относил замаскированный труп в контору... они еще не могли явиться для личного доклада, а только сообщили мне по телефону, что уже выяснили всю тайну преступления... они проследили Панхо и до этого дома... Они видели, как он со двора делал вам знаки, передавая вам какое-то сообщение, на которое вы отвечали ему быстрым и громким хлопаньем окна.

Это была смелая выходка со стороны Ника Картера. Лицо прекрасной женщины осталось неподвижным, но она побледнела, как смерть, и ее темные глаза зажглись зловещим огнем.

— Мало того, моя прекрасная соперница, — продолжал сыщик, делая ударение на каждом отдельном слове, — эти два помощника в данную минуту едут в одном вагоне с Панхо... Я думаю, вы не станете сомневаться, что моим помощникам удастся арестовать и Панхо, и его сообщников.

При последних словах он, чтобы усилить эффект, достал из кармана два блестящих наручника и направился к поднявшейся со своего места и стоящей перед ним прекрасной преступнице.

Но она остановила его движением руки. Его слова, очевидно, произвели на нее такое уничтожающее впечатление, что она совершенно потеряла способность быстро и логично соображать.

— Значит, все-таки поймали... все-таки поймали! — закричала она в исступлении.

— Вы сознаетесь... вы — Инес Наварро! — торжествующим голосом воскликнул сыщик.

Но прежде чем он успел сделать шаг вперед, королева преступников с быстротой мысли схватила лежащий на столе маленький блестящий револьвер и грозно навела его прямо на лоб сыщика.

— Ни шагу дальше, Ник Картер, или я убью вас. Я думаю, вы знаете меня! — сказала прекрасная женщина. И голос ее от волнения прозвучал хрипло. — Да, я — Инес Наварро; отрицать это уже не имеет смысла, когда известна тайна последней ночи. Я скажу вам больше, — прибавила она с ехидством, — чтобы вам не очень уж ломать голову: существует одна только Инес Наварро... и у нее нет никакой сестры-близнеца, а за эту сестру выдавалась моя доверенная служанка Мэри... Она носила, как вы правильно заметили, восковую маску, это она,

а не я, сидела на суде рядом с Каррутером... тем самым Морисом Каррутером, который в данную минуту уже опять свободный человек, потому что именно эту весть и принес мне Панхо.

Ее жестокий, злорадный смех возмущал сыщика до глубины души. Он не думал уже о наведенном на него револьвере, но, еще прежде чем он успел сделать несколько шагов, пол вдруг задрожал у него под ногами... и сквозь какой-то туман он успел только увидеть, как прекрасный демон нажал на спрятанную за столиком кнопку.

Огненные языки вырвались из-под пола... все зашаталось вокруг Ника Картера. Ему показалось, что его подхватили чьи-то гигантские руки, чтобы сбросить его в пропасть, тогда как королева преступников громко захохотала и выбежала в ближайшую дверь.

— Боже мой, Ник! Ты жив еще? Что здесь случилось?

Это были первые слова, дошедшие до слуха сыщика, когда он снова раскрыл глаза. Над ним, с выражением смертельного испуга на лице, стоял Дик и тормозил его за плечо.

— Динамитная мина... королева преступников произвела взрыв... — с трудом выговорил Ник Картер, — где она, эта женщина?

— Инес Наварро? — спросил Дик, помогая ему подняться на ноги. — Я ничего не знаю. Всего одна минута истекла с того момента, как произошел взрыв. Я, как сумасшедший, влетаю в дом, вижу: вся передняя взорвана, а ты лежишь здесь, в подвале... я соскакиваю вниз, начинаю тебя тормозить... и вот, слава Богу, ты, кажется, цел и невредим.

— Слава Богу, да! — ответил Ник Картер, пробуя свои руки и ноги. — Старая история: мы, как кошки, как ни падаем — да все на ноги. Меня, очевидно, оглушило страшной взрывной волной... какой ужас! — прибавил он, оглядываясь. — Взрыв, кажется, разрушил половину дома... меня спасло какое-то чудо.

— Скорее, Ник! — торопил его Дик. — Дом горит, взрыв может повториться.

— Не бойся! Инес Наварро в доме.

— Хорошо, я поищу ее... Но ты выходи скорее на улицу... Того и гляди, упадешь еще здесь в обморок! — озабоченно проговорил Дик.

Он был прав.

Великий сыщик, хотя и не получил никаких ран, был тем не менее так оглушен, что все еще находился в состоянии какого-то полубеспамятства.

— Она вышла через вторую гостиную... в красном платье... она еще не могла уйти очень далеко! — проговорил Дик. — Она, вероятно, выбежала во двор... я выйду на улицу, обегу кругом блока... тогда мы должны ее поймать.

Сказано — сделано. Дик, через неповрежденную заднюю половину подвала, по черной лестнице выбежал во двор, а Ник Картер поспешно, насколько позволяли силы, выбрался на улицу.

Тут он заметил горничную и кухарку, которые, когда услышали взрыв, выбежали из дома и стояли тут, охваченные ужасом.

— Где барыня? — крикнул им сыщик.

— Миссис Менасто? Она, кажется, пробежала во двор третьего номера по 77-й улице, — ответила горничная.

— Черт возьми! — выругался сыщик и как можно скорее добежал до угла улицы. Тут он столкнулся с полисменом, который прибежал, услышав взрыв, и теперь с ужасом глядел на вырывающееся из окон пламя.

— Полисмен! — крикнул ему сыщик, — смотрите, чтобы никто не проникал в дом. Взрыв произведен преступным образом... Я — Ник Картер, и действую по поручению инспектора

Мак-Глуски... преступница еще в доме, на ней красное платье.

— Слушаюсь, мистер Картер. Я буду глядеть в оба! — крикнул полисмен и торопливо, насколько позволяло ему довольно тучное тело, направился к горящему дому, чтобы разогнать собравшуюся перед ним толпу любопытных.

Ник Картер поспешно завернул за угол. Но не успел он сделать и одного шага, как вдруг остановился, — перед ним была Инес Наварро.

Она, вероятно, стояла за широкой спиной полисмена и слышала слова Ника Картера. Вероятно, она считала последнего уже погибшим от взрыва и хотела как можно скорее бежать.

Сыщик быстро схватил ее за руку.

— Попалась, Инес Наварро, и...

Но он так и не закончил. Опять что-то сверкнуло перед самыми его глазами, раздался выстрел; острая боль на минуту лишила Ника дыхания; он почувствовал, как силы и сознание покидают его. С секунду у него было смутное, необыкновенно тяжелое ощущение, что он видит перекошенное в злорадной усмешке лицо Инес Наварро, потом все погружается в непроницаемый мрак.

Выстрел привлек внимание полисмена, не успевшего еще отойти и дюжины шагов. Он быстро обернулся и увидел сыщика, распростертого на мостовой. Это обстоятельство так ошеломило его, что он даже не заметил, как в тот же момент какая-то прекрасная дама в простом красном платье преспокойно села в вагон проезжавшего на юг трамвая и быстро умчалась прочь от сыщика и собравшейся вокруг него толпы.

Вечером того же дня в Нью-Йорке и его предместьях уже продавались экстренные выпуски новостей. Они сообщали сенсационную новость о невероятно смелом побеге осужденного на смерть великого преступника Мориса Каррутера, произошедшем во время его препровождения на казнь в тюрьму Зинг-Зинг. Газеты в один голос сообщали, что арестант был прикован наручниками к инспектору Мак-Глуски, взявшему с собой двух своих самых опытных сыщиков. Все они сидели в вагоне для курящих, между тем как два помощника Ника Картера охраняли выходы.

Вдруг двое каких-то неизвестных завязали с этими сыщиками спор. Это было сигналом для восьми элегантно одетых пассажиров, которые до сих пор сидели в вагоне, частью читая газеты, частью играя в карты. Они разом набросились на инспектора Мак-Глуски и обоих сыщиков, по двое на одного, и, прежде чем те, оказавшиеся неготовыми к такому нападению, успели достать оружие, негодяи прижали к их лицам смоченные хлороформом платки. Остальные мошенники, двое, каждый с двумя заряженными револьверами в руках, грозно направили их на остальных пассажиров, чтобы удержать их от любого вмешательства.

Через несколько минут вся эта шайка, вместе с освобожденным от оков арестантом, с быстротой молнии уже устремилась к одному из выходов, и один за другим соскочила с идущего полным ходом поезда с такой ловкостью, которая свидетельствовала о большом опыте в этом деле. Только один из негодяев, который схватился с Патси Мурфи, младшим помощником Ника Картера, так и не успел вырваться и был связан по рукам и ногам.

Инспектор Мак-Глуски и его два помощника не скоро оправались от полученной дозы хлороформа. Сразу же поезд был остановлен, а вся окрестность — тщательно обыскана, однако без всякого результата.

Только через несколько дней удалось узнать, что недалеко от места происшествия, сравнительно пустынного, стоял наготове автомобиль, который и увез Каррутера вместе с его освободителями.

Попавшегося преступника удалось заставить признаться, но его показания только

повторяли то, что и без него уже удалось узнать, а больше ничего он не мог или не хотел говорить, будучи, по-видимому, простым орудием в руках заговорщиков.

Но еще большую сенсацию, чем эта новость о бегстве Каррутера, находившегося под надзором самого инспектора Мак-Глуски, произвело известие о тяжелой ране, полученной знаменитым сыщиком Ником Картером. Весь Нью-Йорк целую неделю только об этом и говорил. Говорили, что в сыщика стреляла супруга одного богатого и всеми уважаемого архитектора, женщина необыкновенной красоты, которая в течение многих лет играла двойную роль, будучи в одно и то же время и звездой высшего светского общества, и руководительницей целой шайки преступников, и любовницей того самого, вновь сбежавшего, Мориса Каррутера.

Но прекрасная королева преступников совершенно исчезла с лица земли, точно так же, как и Морис Каррутер. Нельзя было отрицать, что Ник Картер в первый раз за все время своей славной деятельности потерпел тяжелое и чувствительное поражение. Тяжелая рана, к счастью, оказалась не смертельной, и великий сыщик, которого все уже считали погибшим, стал медленно поправляться.

Ник Картер и сам не мог свыкнуться с той мыслью, что его победила женщина. Первые его слова, когда он вновь очнулся от продолжительного обморока, были:

— Терпение, друзья мои, я еще не разбит. Черт возьми, я дал маху и ужасно страдаю от понимания этого... Но для меня это вопрос чести, и я не успокоюсь до тех пор, пока не одолею, наконец, и прекрасную Инес, и короля преступников!